

Влада Ольховская

Сектор Фобос

РЕГУЛ

Книга 2

Влада Ольховская
Регул. Книга 2
Серия «Сектор Фобос», книга 7

<https://litres.ru/74173234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Посреди кладбища погибших кораблей начинается война. Когда лишь одна из сторон готова к переговорам, битва становится просто вопросом времени, и теперь две равные силы борются за самую возможность остаться в живых. Космическая станция «Виа Феррата» оказывается в положении, при котором отступить нельзя, а между тем новое противостояние уже зреет внутри. Опасность предельно велика, и может оказаться, что в войну готова вмешаться третья сторона.

Содержание

Часть 1. Хищный космос	4
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Влада Ольховская

Регул. Книга 2

Часть 1. Хищный космос

На борт корабля поднималась война.

Она двигалась тяжелыми, похожими на гигантские колонны ногами танков. Она скользила универсальными десантными транспортами. Она маршировала невозмутимой малой стелс-пехотой – новейшая разработка, только-только с испытаний. Теоретически люди могли управлять всем этим, а на самом деле были не нужны. Хватило бы одного офицера с достаточно высоким уровнем доступа, чтобы машины превратились в полноценную армию, способную захватить любую колонию, к которой подвезет ее транспорт. Загрузка оружия продолжалась несколько дней, и уже это говорило о многом.

Когда роботы наконец оказались на своих местах, настал черед более любопытного груза. Медицинские капсулы – тоже новая модель, как и стелс-пехота. Ничего революционного, конечно, такие устройства применялись в колониях уже давно. Но и серьезные усовершенствования в этом случае игнорировать нельзя.

Новые капсулы могли служить полноценной системой жизнеобеспечения на срок до пяти лет – при условии полно-

го заряда и загрузки баков со вспомогательными веществами. При этом капсулы стали значительно компактней, любое дополнительное оборудование встраивали сразу в них, не было необходимости тащить десятки ящиков, а потом подключать прямо под взрывами.

Важно и то, что новые капсулы оказались бронированными и пригодными для перемещения в зоне боевых действий. Они действительно были способны сохранять жизни там, где это необходимо, и, хотя изобрели их тоже для нужд войны, принять такой груз было все-таки легче.

Хотя тут, конечно, сплошь сентиментальные суждения: это легче, это накладывает моральную ответственность... Военные над подобным подходом посмеялись бы. Но доктор Танатис Рбдинас не был профессиональным военным, его наняли по договору подряда, и он считал, что прожил достаточно долгую жизнь, чтобы позволить себе определенные философские суждения.

Поэтому он то и дело приходил на обзорную площадку «Карфагена» и наблюдал, как грузовой отсек, прежде казавшийся бесконечным, обретает новый рельеф и новые горизонты. Груза было так много, что его даже запретили складировать на одной станции, боялись, что это повлияет на орбиту. Боевые машины и капсулы подвозили несколькими кораблями и использовали станцию как своего рода переходник. Ну а «Карфаген» принимал все, будто бы без особых усилий, и лишь нарастающий гул двигателей намекал, что

транспорт уже платит за это определенную цену.

Танатис был не единственным, кто приходил сюда наблюдать за разрушительной силой, обосновывающейся в брюхе корабля. Понятно, что грузовой отсек не покидали те, кому и положено находиться там в такие моменты – полковник, приставленный к оружию сопровождающим, или суперкарго, которая вопила так, что было слышно и на Земле. Но некоторые приходили, как и доктор, для своей личной беседы с совестью и реальностью.

Например, капитан Анталь Акос. Не только он, но ему, как подозревал Танатис, сейчас было сложнее всего. А может, и нет, трудно сказать... Сколько там ему лет? Он был значительно младше доктора, но тоже давно не юноша – то ли пятьдесят восемь ему, то ли шестьдесят... Не важно, почти одно и то же. Возраст, когда цинизм не становится обязательным, и все же во многих жизнь успевает выжечь наивные идеалы и мечты. Особенно после того, как пришлось заключить сделку со своей совестью.

Анталь заключил, хотя тогда он наверняка называл это компромиссом и считал, что все не так уж плохо. Но Танатис по опыту знал: компромиссы как раз опасней, чем откровенная смена ценностей, потому что позволяют обманывать себя, доказывая, что ты на самом деле не прогнулся и не изменился, просто так было нужно.

Доктор всегда выяснял, под чьим началом ему предстояло служить. Он знал, что многие относятся ко всему проще:

если судно принадлежит армии, значит, работают там проверенные и надежные люди! Но это тоже наивность – та ее разновидность, за которую порой платят жизнью. Так что он не ленился наводить справки, особенно при том, что судно уровня «Карфагена» к каждому полету готовилось не один месяц, время у него было.

Он успел выяснить, что Анталь родился в семье высокопоставленного военного, но не обрадовался роли наследника такой династии. Он поступил как раз наоборот: с юных лет ушел в деятельный протест. Причем Танатис подозревал, что сам акт протеста был для пацана важнее, чем идеи, которые он вроде как отстаивал – обычно складывается так.

Родители подобные проявления индивидуальности, как правило, встречают без понимания, просто борются с ними по-разному. Чаще всего наказывают, но Акос-старший оказался мудрее. Он позволил сыну заниматься чем угодно – особенно при том, что это был младший сын, остальные оказались перспективней.

Стратегия неплохая, Танатис и сам бы такую на его месте предпочел. Многие дети, видя, что родители не реагируют на их истерику, действительно легко успокаиваются. Анталь был чуть более упрямым, он сделал присутствие на антивоенных протестах любого толка едва ли не работой. Его не раз арестовывали, фамилия его отца мелькала в скандальных заголовках. Но отец был спокойней камня, он позволял детищу самостоятельно прыгать на дно и выбираться оттуда.

Выжидание наконец принесло плоды: Анталь частично разочаровался в своих товарищах, которые не отличались его стойкостью, и заскучал. От родителей ему достался великолепный ум, который жаждал знаний, а не просиживания штанов то на площади, то в камере. Поэтому, не отказываясь от пацифистских настроений, Анталь все же пошел учиться – на пилота. Но он сразу же объявил, что управлять военными судами точно не будет!

В итоге отец его все-таки переиграл. Первым удачным шагом со стороны Акоса-старшего стало то, что он позволил сыну заскучать настолько, чтобы разобраться в собственных интересах и выбрать профессию мечты. Вторым – то, что уже почти завершившего обучение Анталя отправили проходить практику на сверхтяжелом транспортном корабле – не таком грандиозном, как «Карфаген», но тоже впечатляющем. Особенно для мальчишки, который раньше ничего подобного не видел.

К увлеченным людям не так сложно найти подход, достаточно определить, что они по-настоящему любят. Акос-старший наблюдал за сыном всю жизнь, он понял, что Анталь не из тех мальчишек, которые будут рады гонять на легких истребителях. А вот возможность вести вперед чуть ли не город, движущийся сквозь космос – другое дело. В этом отношении сверхтяжелые транспорты ни на что не похожи, они настолько уникальны, что для управления ими получают дополнительную специализацию.

А еще сверхтяжелые транспорты принадлежат только армии, никаких исключений. Да, они не всегда возят военные грузы – просто нет необходимости, и их одалживают под гражданские нужды. Но при этом сам корабль не перестает быть военным, а его команда – военнослужащими.

Вот так спокойно, без споров, криков и суеты Акос-старший поставил сына перед необходимостью менять ценности. Или принимай службу в армии, или умерь аппетиты и води обычный грузовик. Иначе – никак.

Танатис понятия не имел, каких сомнений стоило Анталю то решение, они о подобном не откровенничали. Да и какая разница, если оно было принято? Антадь Акос поступил на службу в армию и к нынешнему возрасту был назначен капитаном «Карфагена», одного из лучших транспортов Федерации. Это означало, что, даже если он не оказался от былых идей окончательно, свои обязанности он выполнял достойно.

Кто-то сказал бы, что он и вовсе забыл о прошлом, Танатис тоже допускал такой вариант. Но теперь он видел, с каким мрачным видом Антадь следит за погрузкой оружия, и убеждался: не было таких радикальных перемен. Капитана угнетала мысль о том, что прямо сейчас он повезет куда-то смерть в такой многообразии... Опять же, это подпортит ему аппетит и сон, на миссии его личные убеждения никак не отразятся.

Ничего, выдержит. По предварительному плану, путеше-

ствовать им предстояло полгода, не самый большой срок. Но это если все пройдет нормально... Да пройдет, скорее всего. Это обычные грузовые суда еще рисковали столкнуться с пиратами, на летающую крепость, которую представлял собой «Карфаген», никто напасть бы не осмелился.

Танатису было по большей части все равно, какой груз перевозил корабль на очередной миссии, напрямую его это не касалось, да и определенных убеждений насчет армии у него не было – иначе он не согласился бы на эту работу. Для него обстоятельства оставались почти неизменными: он оказывал медицинскую помощь, если требовалось, а в остальное время занимался собственными исследованиями. В рамках договора лаборатория и вовсе считалась его личной территорией, на которой даже у капитана не было власти.

Он собирался отправиться туда, но, обернувшись, вдруг обнаружил, что уже не один на наблюдательной площадке. Он не слышал шагов... Но в этом нет ничего шокирующего: кочевники всегда двигаются очень тихо.

Она не собиралась подкрадываться к нему и нападать, кочевница сохранила между собой и собеседником почтительное расстояние. Однако и о своем приближении она не предупредила. Тоже вполне типичный для всего вида подход: они всегда оценивают людей, с которыми им предстоит иметь дело, прежде чем установить границы.

Танатис, пусть и не ожидавший встречи с ней именно сегодня, не был шокирован. Он знал, что она придет, он ведь

видел, что в сопровождающем экипаже указана кочевница. Теперь он лишь получил возможность ее рассмотреть.

Молодая, но они там все молодые. Если же оценивать с поправкой на само время существования кочевников как вида, она как раз из первых поколений – лет тридцать пять ей, пожалуй, есть. Высокая, спортивная и крепкая, но не мужеподобная, при развитой мускулатуре все равно совершенно женский силуэт. Внешность любопытная: по отдельности черты можно назвать некрасивыми, но сочетаются они так гармонично, что в целом производят приятное впечатление. Хотя это, опять же, на того, кто знает кочевников и не боится их. Все остальные нашли бы во внешности кочевницы нечто неумовимо хищное, навевающее ассоциации даже не с животным, а с рептилией – широкие скулы, полные крупные губы, которые от вульгарности спасает естественная бледность, широко поставленные глаза темного оттенка черешни.

Ну а главное, кочевница отличалась индивидуальной мутацией: она сохранила волосы. Кто-то другой решил бы, что она просто сделала пластическую операцию, хотя это и не поощрялось. Но Танатис достаточно хорошо изучил тему, чтобы знать: примерно у одного кочевника на сотню такое встречается, ничего нового. У нее ведь не только волосы, брови и ресницы тоже сохранились, и всё одного оттенка – металлически-серого, идеально сочетающегося с кожей. Нет, никакая это не пластика, но мутация чисто внешняя, на силу кочевницы это не влияет.

Она осознавала выпавшую ей удачу и волосы отращивала, но на время миссии убирала, как и положено женщинам на службе, в строгую прическу. Кочевница носила черную форму без знаков отличия, получается, на миссии ей предстояло выступать консультантом – под этим широким определением мог скрываться какой угодно набор обязанностей и полномочий.

Она была не из тех кочевников, которые сразу проявляют агрессию и провоцируют на конфликт. Она легко улыбалась, но улыбка эта на самом деле ничего не значила. Темные глаза наблюдали за врачом изучающе, без эмоций.

– Доктор Родинас, как я понимаю? – спросила она. – Я Астэра. Решила познакомиться, пока у нас есть время.

– Слышали обо мне?

– Кое-что.

«Кое-что» о нем кочевники не слышали никогда. Они либо вообще не представляли, кто он такой, либо знали достаточно, чтобы изучить его основные работы. Астэра была из второй категории, но не похоже, что она испытывала к нему хоть какую-то симпатию. Ничего, Танатис в симпатии и не нуждался, ему было достаточно того, что она не шипит и не кидается в драку. Хотя кто бы вообще нанял шипящую кочевницу на роль консультанта?

– Признаться, я была удивлена, когда узнала, что вы здесь служите, – продолжила Астэра.

– Слишком стар?

– Не ваш профиль. Врач на грузовом транспорте – и вдруг вы?

– «Карфаген» – прекрасное место, а я занимаюсь своим делом.

– Вы правы, и мне, пожалуй, стоит радоваться тому, что нам повезло получить такого врача на этой миссии. Да и место... Действительно прекрасное. Широко обсуждаемое, как оказалось.

Танатис знал, о чем она говорит, но сделал вид, что не знает.

– И что же обсуждают?

– Многое. Нравы, которые позволяет своей команде капитан Акос, например. Или то, что «Карфаген» – самый большой грузовой транспорт из ныне построенных. Но любопытней всего, конечно, звучат слухи про нечто под названием «карфагенская бестия». Не знаете, что это такое?

– Где вы слышали такое определение?

– Да ходят слухи то тут, то там...

– Так и уточняйте в местах, где мимо вас прошли эти слухи, – посоветовал Танатис. – Но я бы на вашем месте не доверял всему, что болтают в кабаках.

– Вы действительно думаете, что эта тема меня не коснется?

– Если только вы не предпримете для этого соответствующих усилий.

– Не люблю усилия, – легко рассмеялась Астера. – Нам

всего-то и нужно, что побыть вместе полгода. На корабле размером со станцию это должно быть не так уж сложно.

Она отступила, и Танатису хотелось бы верить, что поняла намеки и соваться не будет. И все же неприятное чувство на душе осталось. Не потому, что Астера глупа, нет, она если и сунется в его дела, то осознанно и вполне может чего-то добиться... Или нет. В конце концов, у нее тоже есть работа!

Он еще немного побыл на площадке на случай, если кочевница решила проследить за ним, а потом отправился к себе. После ярких огней грузового зала он все больше утопал в полумраке, царившем на его территории.

Кого-то другого это, пожалуй, напрягало бы – то, что грандиозный зал лаборатории терялся в тенях. Освещение здесь было зональным и настраиваемым, порой единственным, что нарушало тьму, было работающее оборудование. Иллюминаторы и вовсе не предусматривались, и мрак поглощал стены и далекий потолок, скрывал движение, легкое, неуловимое, хищное...

Гостям тут было неизменно неудобно, но в этом весь смысл: гостей Танатис не любил.

Он вошел в лабораторию и заблокировал дверь. Прогуливался он достаточно, пора и поработать.

– Ты уже видел новую кочевницу? – поинтересовался он отвлеченно. Он понятия не имел, где находится его собеседник, но знал, что тот услышит. – Она подходила, спрашивала о тебе. Не думаю, что она станет угрозой, вроде бы, не

дура. Но попытайся держаться от нее подальше. Права она в одном: о тебе действительно болтают. Мне это не нравится.

Ответа не последовало, но где-то наверху мелькнуло движение, неразличимый темный силуэт. Танатис укоризненно покачал головой и направился к центральному компьютеру.

Он знал, что такие долгие миссии обычно начинаются с неоправданным пафосом: торжественная церемония, музыка... Он не считал нужным являться. Что они вообще празднуют? Тут сначала долететь бы!

Так что Танатис и праздник их не посетил, и в дальнейшем редко покидал свою лабораторию. К нему тоже не обращались, и это нормально – прелесть военных миссий: тут никто не бежит к врачу из-за внезапной сопли или рассеченной коленки. Танатис не считал дни, он занимался своим делом, у него не было ни единой причины для тревоги – да и ни у кого не было!

А потом все исчезло. Вообще все – появилось как раз такое ощущение. Был мир – и нет его, как будто стерли. Из-за внезапности произошедшего Танатису действительно показалось, что он оказался один в пустоте... Возможно, и вовсе погиб? Но как, почему?..

Потом до него дошло: нет, не погиб, и дело вообще не в нем. Корабль по-прежнему существует, и в лаборатории не изменилось ничего, кроме одного важнейшего фактора: пропала энергия. Не только свет, оборудование тоже не работает, а так не может быть, никак... Но есть. Тьма принесла с

собой дезориентацию, и это только начало. Скоро придет холод, закончится воздух, отключится искусственная гравитация... И «Карфагена» просто не станет.

Танатис провел в космосе большую часть жизни, он приучил себя не бояться – ведь глупо тратить жизнь на нечто столь бездарное, как страх! Он был уверен, что мир если не безопасен, то хотя бы предсказуем. А получилось вот как... На самой обычной миссии один из лучших кораблей, созданных человечеством, превратился в гигантский гроб, заточивший тысячи человек в пустоте, и отменить это Танатис уже не мог.

Те, кто очень хотел сбить Рино де Бернарди в полете, редко предупреждали об этом. А как было бы хорошо, если бы жизнь хоть чуть-чуть уподобилась фильмам прошлого, где до выстрела следовали угрозы, да еще и вид оружия иногда громко объявлялся... В унылой реальности стреляли тихо и быстро, смысл-то был в том, чтобы убить пилота, а не впечатлить.

Обычно все это не имело большого значения, потому что Рино оставался за штурвалом прекрасного маневренного «Ястреба». Машина реагировала чуть ли не на мысль, начинала уклонение в момент, когда в орудиях противника первые искры появлялись, и при таком раскладе все это напоминало игру, из которой Рино выходил победителем.

Сейчас все сложилось иначе. В его распоряжении толь-

ко челнок, который напоминает ведро и формой, и техническим оснащением, по нему стреляет непонятно откуда взявшаяся космическая армада, а рядом еще и беременная тетка голосит. Причем в эту ситуацию они нырнули сразу после того, как путь их казался пусть и неблизким, но понятным. Вот как чувствовал, что день будет не очень...

Рино не собирался раздумывать о том, откуда взялся этот проклятый корабль и почему открыл огонь. Ему пока было достаточно очень простой системы оценки: тот, кто в тебя палит на поражение, – враг, а умирать неприятно ни при каком раскладе. Поэтому все усилия он бросил на то, чтобы избежать печальной участи.

Челнок СМ-2100 подходил для таких маневров отвратительно. Эта посудина обладала минимальным силовым полем, скорость развивала убогую, столкновение могла вынести только под определенным углом, потому что в конструкции изначально было слишком много уязвимостей. Однако выбора Рино никто не давал, приходилось подстраиваться.

Он теперь смотрел только на экран и показания сканера. Для начала Рино нужно было создать между нападающим кораблем и челноком препятствие, поэтому он отклонился от изначального маршрута и повел СМ к очередным руинам, болтавшимся неподалеку, здесь такого хлама хватало.

– Куда? – зачем-то пискнула Кети. – «Виа Феррата» в другой стороне!

Ответили ей остальные, Рино по-прежнему не отвлекался,

но суть происходящего они уловили верно. Какая разница, где «Виа Феррата», если они до нее не долетят?

Он подозревал, что из тяжелых орудий корабль их бы все-таки расстрелял, просто не с первой попытки. Но там уже и сами сообразили, что нет смысла тратить ограниченный ресурс на нечто столь мелкое, как СМ-2100. Так что пока они использовали калибр поскромнее, и Рино видел, что в той стороне становятся на крыло истребители-перехватчики. Только вот большой вопрос, какая у них цель: забрать в плен или все-таки уничтожить?

Пока что более вероятным представал второй вариант. Предыдущие выстрелы на предупредительные не тянули, да и сейчас никто не пытался выйти с ними на связь. Рино было не до установления контакта, но этим занялась Мира. Она по очереди использовала все известные в Федерации частоты, включая сигнал бедствия, но все они оказались заблокированы. Неизвестный корабль их осознанно не слышал – он отгородился от любой связи, будто сам себе запретил переговоры.

Это должно было угнетать, а Рино поймал себя на мысли, что ситуация даже логичная... То, что в Секторе Фобос нынче драться начинают, не здороваясь.

Но если громада чужого корабля оставалась молчаливой и безжизненной, то «Виа Феррата» никуда не делась. Она по-прежнему ждала их, и это хорошо, а плохо то, что ждала слишком далеко.

– На нас напали! – сообщила Мира, когда ей все-таки удалось связаться с адмиралом. – Корабль явно военного назначения!

– Мы видим, – с привычной невозмутимостью отозвалась Елена Согард. – Мы предпринимаем меры. Постарайтесь держаться.

Звучит красиво, понять бы еще, как и сколько... Но язвить Рино не собирался, и не только потому, что не имел права отвлекаться. Он мог понять и положение Елены: что она может сделать в обстоятельствах, которых вообще никто не ждал?

Между тем истребители уже приближались, зато корабль перестал палить – сообразил, что зря тратит энергию, расстреливая старый металл. При такой разнице в скорости и маневренности окружить челнок даже слишком просто, а делать свою смерть слишком простой Рино не собирался.

Он увел челнок внутрь ближайшего корабля. Это нельзя было считать полноценным судном, так, остов, обломок бывшего величия. Теперь уже и не скажешь, чем этот корабль был, когда его утянул Сектор Фобос, но позже он явно прошел через столкновение с крупным объектом и пожар. Так что сейчас челнок будто летел через полуистлевшую раковину с хрупкими стенками внутренних перегородок.

Здесь у истребителей тоже было преимущество, но не такое абсолютное, от мастерства пилота зависело куда больше, чем раньше. А вот пилоты на том корабле как раз оказались

не самые выдающиеся – кто-то из них умудрился запутаться в остатках старых кабелей, да еще и одного из товарищей в аварию втянул. Для Рино это не было победой, но чуть улучшало настроение.

Правда, их преследователи отнеслись к тому, что им оказали неожиданно успешное сопротивление, без понимания. Когда стало ясно, что перехватить цель так быстро у них не получится, они незатейливо открыли пальбу. И не важно, что себе они тоже усложнили задачу, наполнив руины огненным вихрем, Рино их судьба не интересовала, своя была ему дороже.

Он выжимал из челнока максимум и все равно сделать мог не так уж много, им досталось, компьютер предупреждал об опасных повреждениях. Система управления тут и без того была неуклюжая, а теперь она еще и начала заедать. Это оставляло Рино не так много доступных действий...

– Эй, ты что делаешь?! – крикнула Бруция, первой разглядевшая, куда он направляет корабль. – Убить нас хочешь?!

– Выдержим, – коротко отозвался пилот.

Он и сам не знал, правда это или нет. Да, у СМ-2100 укрепленная носовая часть, но и она может не выдержать прямого столкновения со стеной! И все равно придется рискнуть, потому что на такой скорости развернуться уже не получится.

Им все-таки повезло... Челнок наполнился грохотом, воем сирен, искрами, полетевшими отовсюду сразу, но все-та-

ки не развалился. Они вырвались из временного убежища, и Рино приготовился увеличить скорость, чтобы удрать, пока их преследователи не выбрались из лабиринта.

Не сложилось. Никаких ошибок, банальное преимущество числа: на корабле было достаточно истребителей, чтобы оставить патруль и снаружи. Едва челнок появился из разбитого корабля, как его тут же со всех сторон окружили боевые машины.

Надеяться оставалось только на одно: все-таки плен. Незнакомцы победили, они видят, что перед ними просто малый пассажирский челнок, у которого нет подходящих для обороны орудий. Это же идеальный трофей, даже напрягаться не надо! Даже если они не понимают, кто внутри, захватить пленников полезней, чем убить, при любом раскладе.

По крайней мере, так казалось Рино. Но люди с того корабля почему-то придерживались иного мнения, пилот видел: они готовы стрелять, это не запугивание, это конец, потому что такой атаки никакие щиты просто не выдержат. Утешаться оставалось лишь тем, что все произойдет быстро...

Или не произойдет вообще. За пару секунд до того, как подготовка была завершена, истребителям резко пришлось перейти к обороне, потому что по ним самим открыли огонь. Разрушенный корабль, как оказалось, не только защитил Рино, но и послужил неплохим прикрытием для куда более

опасного судна.

Вот, значит, что сделала адмирал... Логично, и Рино ожидал бы подобного, если бы у него было время все обдумать. Понятно, что станцию она бы достаточно быстро сюда не переместила, да и опасно это. Так ведь именно для подобных случаев у «Виа Ферраты» было сопровождение! Три корабля, каждый со своей функцией, и «Бесстрашный» отвечал как раз за битвы.

Соображали их противники быстро, они рванулись к родному кораблю почти сразу же. «Бесстрашный» сделал еще несколько выстрелов, чтобы придать им нужную мотивацию, но он все равно сдерживался, Рино прекрасно это видел. Он мог бы взорвать несколько истребителей, однако не сделал этого, адмирал наверняка дала на этот счет четкие приказы. Ее можно понять: все уже началось плохо, но есть определенная черта, после которой переговоры невозможны. Пока что никто не умер, и Елена хотела, чтобы все так и осталось.

Причем дело тут не только в стремлении найти союзников – хотя и это важно. Рино не рассмотрел толком нападавший корабль, однако он уже видел, что это массивное и современное судно. Это враг, с которым придется считаться, и столкновение, если его все-таки не удастся избежать, может завершиться чем угодно.

Так что сегодня они кое-как устояли, а вот что будет потом – Рино предстояло узнать вместе с остальными.

Анталь Акос никак не мог понять, что же произошло. Никто не мог, но только от Анталя этого требовали. Давить на него не могли, однако постоянно напоминали, что он капитан, а значит, у него должны быть ответы на все вопросы. И он вроде как понимал, что закон на его стороне, а подобные рассуждения – типичная психологическая манипуляция. Но прямо сейчас, когда нервы у всех и так на пределе, хотелось бы большего единства со стороны экипажа!

Первые часы, проведенные в этом странном месте, были особенно страшными. Отключилось практически все, и «Карфаген» превратился в мусор, дрейфующий непонятно где. Тогда Анталь верил, что в этом их главная проблема: энергетическая авария, последствия которой срочно нужно устранить. О том, что при этом они еще и резко сменили координаты, он даже не думал, да и никто не думал.

У них ушли почти сутки, чтобы полностью наладить работу системы. Причина аварии так и осталась неизвестной, однако Анталь готов был довольствоваться тем, что она не сожгла компьютер окончательно. Теперь он планировал запустить самодиагностику корабля, а заодно связаться с руководством и подать срочный рапорт о случившемся.

Он действительно позвал – но ему никто не ответил. В эфире царила абсолютная, звенящая тишина. Анталь решил было, что это последствия поломки, велел связистам и инженерам все наладить, но они робко возразили, что оборудование чинить не нужно, с ним все в порядке. А не отвечают им,

потому что сигнала нет. Вообще никакого.

Так не могло быть. Анталь лично составлял маршрут, он знал, что они ни в какой момент не отдаляются от цивилизации достаточно, чтобы остаться без связи. У «Карфагена» собственная система, сравнимая с коммуникационной станцией в какой-нибудь малой колонии. Он посылает сигнал на огромные расстояния, его должны услышать!

Но не слышали. Снаружи не было ни кораблей, ни планет, ни станций... Ничего не было. Только «Карфаген» и космос.

Это стало лишь первым из череды пугающих открытий. Когда самодиагностика завершилась, оказалось, что корабль в порядке, система работает как надо, но определить собственные координаты она не может. Не хватает данных. Камеры работают, картинка есть, просто те звезды, что их окружают, система распознает как «недействительные ориентиры». Проще говоря, они будто оказались за пределами исследованного пространства...

Но при этом рядом с ними вскоре появились следы цивилизации, такой вот парадокс. Пока что Анталь был полностью сосредоточен на проблемах своего корабля, внешний мир его интересовал меньше. Однако он отметил другие суда, находящиеся пусть и далековато, но в пределах захвата камер. То есть, они тут не одни – и как будто одни.

Справляться с этим самостоятельно Анталь не собирался. Не потому, что не мог – он был с космосом один на один

десятилетиями, он привык искать путь без посторонней помощи. Однако прямо сейчас он признавал, что быстро разобраться с ситуацией не получится. И ему нужно держать под контролем не только положение корабля на этой странной территории, но и то, что происходит внутри.

Люди будут напуганы, это неизбежно. Даже опытные, даже прошедшие специальную подготовку. И если насчет своей команды Антадь мог оставаться более-менее спокойным, то военные вызвали у него большие сомнения. Они изначально с трудом признали себя обыкновенными пассажирами. Сейчас им наверняка захочется действовать, и они могут путаться под ногами. Поэтому Антадь планировал подчеркнуть, что ничего не скрывает и каждое решение принимает только после совещания.

Он пригласил к себе в кабинет полковника Вадима Франца – главу отряда, приставленного к оборудованию. Больше капитан никого не звал, однако не был удивлен, когда Франц притащил с собой ту кочевницу. Астера была неизменно мила и вежлива, большую часть времени ходила с опущенной головой, и многие даже верили, что она – подчиненная полковника, да еще запуганная, и опасаться ее не стоит.

Антадь же не сомневался, что это просто игра на публику. Он уже сталкивался с кочевниками и неплохо их изучил. Те, что не скрывали свое отношение и рычали открыто, нравились ему куда больше, чем такие вот любители загадочных улыбок.

Он ожидал, что все будет развиваться вот так, и пригласил еще и доктора Танатиса Родинаса. Не потому, что так уж остро нуждался в его мнении: Анталь не раз брал на борт ученых, признавал их заслуги, но своим кораблем предпочитал управлять самостоятельно. Просто в этом случае Родинас был интересен ему в первую очередь как обладатель оружия массового поражения. Из-за этой «маленькой особенности» Анталь и согласился взять в команду старика с неадекватным количеством капризов, и теперь той ставке предстояло сыграть.

Из основной команды, тех, кому Анталь по-настоящему доверял, на совещание пришел только Дэвид, его личный помощник. Участвовать в обсуждении он не собирался, но Анталю хотелось, чтобы кто-то понаблюдал за происходящим со стороны.

– Надеюсь, вы обрадуете нас новостью, что мы готовы продолжить путь? – холодно осведомился Франц. Глаза у него были настолько светлого оттенка голубого, что в ярком искусственном свете казались белыми. В сочетании с резкими, грубыми чертами лица и квадратной челюстью это создавало впечатление, что полковник вообще робот, по нелепой ошибке названный человеком.

– Мы действительно готовы, – кивнул капитан. – Вопрос в том, куда.

– Вам напомнить координаты пункта назначения?

– Координаты мне известны. Компьютер просто не может

на них отреагировать.

– Раньше ему ничто не мешало, – заметила Астера.

Объясняться с ними, как просчитавшийся во всем практикант, Анталь не собирался. Он запустил навигационную программу и попытался построить маршрут. Компьютер даже не упрекнул его за то, что он делает одно и то же и как будто надеется на другой результат, на экране появилось неумолимое: «Построение невозможно». Как и предыдущие десятки раз.

– Я не понимаю, – нахмурился Франц. – Почему невозможно?

– Потому что невозможно определить наши нынешние координаты. Мы не на Земле, где хоть какую-то дорогу можно выбрать, даже если связь со спутником потеряна. Мы не знаем, где сейчас находимся, а главное, этого не знает компьютер. Как следствие, он понятия не имеет, где наш пункт назначения.

Все, кто сейчас находился в кабинете, осознавали, насколько грандиозна проблема. То, что компьютеру не известны ближайшие звезды, уже плохо. Но то, что он не может получить спутникового сигнала, необходимого для определения координат, делает ситуацию лишь хуже.

Это казалось чуть ли не черной магией, проклятьем... Однако, если отбросить эмоции, найти объяснение было все-таки возможно.

– Значит, кротовая нора, – задумчиво произнес Родинас.

– Любопытно.

– Что? Нет, давайте без этих теорий! – отмахнулся Франц.

– Я понимаю, что это сейчас активно изучаемая проблема...

– При чем тут какое-то активное изучение? Мы уже стадию эксперимента прошли!

– Мне известно, что не все ученые даже признают такое явление...

– Тогда высуньтесь туда, наружу, и кому-нибудь докажите, что мы не можем здесь находиться.

Он на самом деле не был глуп, полковник этот, не из тех вояк, которые готовы поверить лишь в то, во что могут вогнуть палец. И противился он новой правде о мире не из-за твердолобости, он просто слишком хорошо представлял, с чем им придется справляться, если версия с кротовой норой подтвердится.

В привычной реальности кажется, что человек если не покорил космос, то уж точно приручил. Территория, которая считается освоенной, действительно огромна. Но если хотя бы попытаться взглянуть на ситуацию объективно, это лишь жалкий огрызок пространства на фоне бесконечности. И кротовая нора – как раз способ попасть куда угодно без единого шанса вернуться.

Ну а то, что компьютер не выдвигает никаких версий насчет того, где они оказались, доказывает, что дела их плохи. Помимо зоны, безопасной для путешествий, есть еще исследованная зона. Туда никто не летает, но телескопы дотяги-

ваются! И об этой зоне в системе тоже имеются данные. Получается, «Карфаген» так далеко, что вернуться уже не сможет, не обычным путем так точно.

Это была неприятная правда, разрушительная, но та, которую им нужно принять. Решение сделать это на совещании оказалось даже более удачным, чем ожидал Анталь: общее спокойствие заставляло каждого из присутствующих держать себя в руках, не поддаваться панике, не улетать мыслями в абстрактное «Что же будет дальше?». Сначала нужно разобраться с настоящим моментом, потом только прикидывать, есть ли у них вообще будущее.

– Что вы предлагаете? – спросила Астера. Она, казалось, перенесла жуткие новости лучше всех: ни разу не нахмурилась и улыбку удержала вполне убедительную. – Для такой ситуации подходит несколько протоколов. Какой вы намерены ввести?

– Прямо сейчас – никакой, – признал Анталь. – Нам нужно больше данных. Мы уже знаем, что поблизости есть суда... Пока что – только погибшие. Но неплохо бы разобраться, что с ними произошло.

– Получается, статус груза остается неизменным? – уточнил полковник.

– И статус пассажиров.

Это было вроде как банальное обсуждение, но они оба знали, какой смысл скрывается за такими словами. Пока военное оборудование остается в статусе груза, Анталь не

вправе его использовать, зато все военные, которые прибыли с грузом, считаются пассажирами и не могут отдавать приказы. Если же капитан задействует один из аварийных протоколов и получит возможность применить груз по назначению, Франц автоматически обретет право претендовать на власть на «Карфагене» как старший офицер.

Этого Анталю точно не хотелось. В момент кризиса люди должны прислушиваться к одному голосу, иначе они запутаются в приказах.

– Что будет прямо сейчас? – напомнил о себе Родинас.

– На корабле мы проведем инвентаризацию, чтобы понять, сколько у нас ресурсов и как долго мы на них протянем. В это время разведывательная команда отправится на ближайшие объекты и попытается выяснить, что же там произошло.

– Там все умерли, – сухо заметил врач.

– Да, и хотелось бы знать почему.

– А мне хотелось бы верить, что наша доблестная группа потом вернется на борт только со знаниями, а не с причиной того, что тут явно убило уже не один корабль!

Станционные механики – люди по большей части простые, как ремонтная распорка. Но иногда даже в их суровых душах возникает жажда прекрасного, обычно после бурных возлияний, хотя это, конечно же, лишь совпадение. И вот тогда чаще всего в ход идут подручные средства: первый по-

павшийся металлический сосуд наполняется мелкими деталями, и под стрекотание этой погремушки подвыпившие мужи начинают нескладно музицировать.

Об этом мне пришлось вспомнить в миг, когда сам я вдруг оказался той самой деталью, которую трясет как попало пьяный механик. Я ожидал, что самую большую головную боль мне эти космические маракасы уже обеспечили, а потом случился хаотичный полет на челноке – и пришлось предаваться воспоминаниям, пока меня швыряло во все стороны, а ремни безопасности пытались не допустить превращение меня в фарш. Что еще мне оставалось?

Терпеть не могу моменты, когда моя судьба от меня не зависит, но порой приходится принимать и их. В этом случае я лишь получил подтверждение того, что был прав, когда не пристрелил Бернарди... всё то бесчисленное множество раз. Как чувствовал, что пригодится.

Он нас все-таки вытянул. Тут кто-то мог бы сказать, что ему, как и нам, просто повезло, ведь подоспел «Бесстрашный». Но мое эго в подпитке ложью не нуждается, и я в состоянии признать, что без мастерства Бернарди «Бесстрашный» прибыл бы к нашим бесформенным останкам, вполне возможно, навеки слепленным в один невнятный комок. Смерть не только страшная, но и унижительная.

Так или иначе, паузу мы получили. Но и новые проблемы тоже – гигантский боевой корабль никуда уже не денется.

Интрига в том, как наше взаимодействие будет продол-

жаться дальше. Пока что особой общительностью местные обитатели не отличались. Я видел, что Мира пыталась дотянуться до них и должна была, она все испробовала, и не услышать они могли лишь в одном случае: не хотели слышать. Из уравниения наших отношений была исключена симпатия. Теперь необходимо проверить, не переменят ли любезные господа точку зрения после дипломатического удара сапогом по рылу.

Есть вероятность, что нет. Я высокого мнения о педагогическом потенциале насилия, но даже я признаю, что этого недостаточно. Да и готовиться я предпочитаю к худшему.

А в этом случае худшее действительно паршивое. Модель корабля, напавшего на нас, я пока не знаю, там было не до изучения, но это точно что-то боевое и удручающе современное. То, что корабль этот в несколько раз меньше «Виа Ферраты» – ложное преимущество, от которого сразу нужно отказаться. Во-первых, станция по-прежнему повреждена. Во-вторых, на борту творится черт знает что, в которое мне только предстоит погрузиться. В-третьих, даже если бы не все это, «Виа Феррата» – объект в первую очередь научного назначения, а одного «Бесстрашного» для ее полноценной защиты не хватит, не в долгосрочной перспективе так точно.

Поэтому мы не можем себе позволить затяжную войну непонятно с кем. Философские размышления о том, как люди умудряются собачиться на ровном месте без малого вез-

де, толку не принесут, нужны реальные действия.

Пока что адмирал со всем вправлялась неплохо – с поправкой на обстоятельства. Она выслала за нами «Бесстрашный», сама в это время организовала регулярные патрули возле станции. Понятно, что боевой корабль к нам тихой мышкой не подкрадется, однако у него свои разведчики есть, нам они тут не нужны, своих полудурков хватает.

Кстати, об этом... Когда мы вернулись, мятежи, разгоравшиеся до отлета, снова сотрясали улицы. Теперь они еще и активней стали, по залам и коридорам чумазы заключенные зачем-то таскали с собой портрет одного из подчиненных Миры, которого они умудрились чуть ли не в святые произвести. Таким образом вместо того, чтобы полностью сосредоточиться на внешних проблемах, мы вынуждены были тратить время на внутренние.

Нельзя сказать, что руководство станции потеряло контроль, до этого еще не дошло. Но мятеж достиг той стадии, когда его не получится разогнать по щелчку пальцев. Для этого обычно требуется несколько значимых событий, и они на «Виа Феррате» произошли.

– Я не понимаю, – растерялась Мира, наблюдая за протестами на мониторе. – При чем тут Грег? Какое отношение он имеет к происходящему?

– Он погиб и был признан мучеником, – пояснила Елена.

– Что? Как это произошло? Он же нормальный был... Как он погиб?

– Пытаясь убить меня.

Эта весть почему-то повергла Миру в шок. Ее оптимизм насчет своих подчиненных неистребим.

Нам все-таки пришлось пройти скоростное погружение в события недавних дней. Оказалось, что количество провокаций росло, но я бы удивился, если бы было иначе. Вербовка новичков тоже стала явлением вполне закономерным, особенно новичков из руководящего состава.

Среди таких достижений оказался и Альберт Личек, который наверняка изначально надеялся усидеть на двух стульях. Но это он зря, конечно, использовать его решили почти сразу. Ему пришлось помотаться на морально-этическом маятнике, но в конце концов он предпочел не убивать адмирала, а стать на ее сторону. Впрочем, судя по тому, что произошло дальше, мятежники и такой вариант развития событий рассматривали. Им было бы легче, если бы Елена погибла, но они готовы были подождать.

Главное, что сработал отвлекающий маневр, и они добились того, чего хотели с самого начала: они выкрали из лазарета Лилли Хетланд.

Я ввожу в свою жизнь полезные привычки. Одна из них – воздержаться от фразы «Я же говорил», ведь тогда мне придется самого себя нахваливать так часто, что не останется причин развиваться. Но – да, я еще в момент ее заключения был уверен, что нужно убить сразу. Любое мягкосердечие в космосе карается, доброта к врагам оценена не будет.

Лилли продемонстрировала, что готова пойти на серьезные жертвы, лишь бы получить власть. Уже после такого можно было устроить ей хотя бы несчастный случай со спонтанно взрывающейся капсулой! А ее вместо этого погрузили в ко-му. Мол, куда она денется!

А вот куда.

Что Лилли освободилась – это понятно, и она наверняка поучаствовала в планировании собственного побега. Мне любопытней другое: как в это влезла Сабина Бейц? Она не глупа, умеренно амбициозна, ее искренне устраивало собственное положение на корабле... И вдруг она устроила то, после чего системе станции придется отфильтровывать немало крови, а популяция в минус уйдет. Почему?

Гадать я не собирался, я просто зашел в архив и отыскал видео допроса Сабины, который адмирал проводила после ее задержания.

Они тогда остались в камере вдвоем. Елена была спокойна, она не бросалась на собеседницу с обвинениями, она вообще не затрагивала тему собственного несостоявшегося убийства. Да и Сабина держалась уверенно, а не косилась на нее обиженной псиной. Они сейчас выглядели как люди, которые играли на станции одинаковые роли.

– Какую часть того, что происходит, прописала Хетланд?
– спросила Елена.

– Практически все, я сделала только поправку на изменившиеся обстоятельства.

– И, полагаю, она передала вам свой план еще до поимки?

– Не мне даже, – покачала головой Сабина. – У нее были другие доверенные лица, они передали ее записи мне. Но – да, это случилось достаточно рано. Не думаю, что Лилли всерьез верила в свое поражение, она просто привыкла перестраховываться. Тоже черта хорошего лидера, кстати.

– Когда же вы осознали ее хорошим лидером?

– Уже очевидно, что не сразу. Изначально я была уверена, что она не права. Но постепенно я убеждалась, что станции нужен новый руководитель. Лилли не идеальна, да и вряд ли будет, так ведь больше никто не подходит!

Это верно. Для того, чтобы контролировать станцию, нужны не только пламенные речи, но и определенный уровень доступа. У Лилли Хетланд он есть, и настолько базовые настройки изменить не получится. Это, опять же, не было бы проблемой, если бы ей голову дробью разнесли – при таком печальном обстоятельстве сканер сетчатки уже ничего не считывает.

– Вам не кажется, что это не совсем зрелый подход – «кто угодно, только не вы»? – невесело усмехнулась Елена. – С чего вы взяли, что Хетланд была бы лучшим лидером, чем я или Отто Барретт? Что ее правление повлияло бы на ситуацию?

– Дело не в том, лучше или хуже. Она бы просто сделала то, на что вы и Барретт не согласились бы.

– И что же?

– Она бы остановила станцию.

– Вы считаете, что это хорошее решение?

– Считаю, – без тени сомнений ответила Сабина. – Что дало нам продвижение? Только новые проблемы. И это пока станция еще была в порядке! Пора бы признать неприятную правду: мы не выберемся отсюда. Так не лучше ли бросить все силы на то, чтобы адаптировать «Виа Феррату» к долгосрочному существованию?

– Которое если и будет организовано на достаточном уровне комфорта, то только для одного поколения?

– Не думаю, что появится следующее.

– А я не думаю, что просуществует это, – покачала головой Елена. – Без надежды.

Вот тут она права. Причем права не в наивном подростково-героическом смысле, когда о надежде говорят, не понимая толком, что это такое. Елена годами руководила большими группами людей, порой в очень паршивых обстоятельствах. Она знает: чтобы толпа не попыталась сожрать сама себя, ей нужно нечто объединяющее. Борьба подойдет, именно на этом подловила свою паству Сабина. Но надежда тоже работает отлично. Мне ли не знать – я прекрасно помню, что во времена моего безусловно замечательного детства выжить смогли лишь те, кому был хоть сколько-то любопытен завтрашний день.

Или те, кому хотелось утопить своих обидчиков в крови, но это так, личное.

Так вот, Сабина устала и выгорела, уже понятно. Глупее она от этого не стала, она просто уцепилась за ложный путь к спасению. Среди хаоса хочется стабильности, но она перепутала стабильность и застой. Это не вопрос формулировок, а исключительно наша ситуация. Только Сабина уже уперлась... да и натворила она слишком много, чтобы включать задний ход.

– Меня придется выпустить, – вздохнула она. – И если вы сделаете это добровольно, я, в свою очередь, прослежу, чтобы Лилли вас не убила.

Не проследит. Возможно, захочет, но Лилли Хетланд себе не враг, она не повторит ошибку, которую совершила Елена. Не хочешь, чтобы тебя сместили? Вовремя швырни альтернативу за борт.

Адмирал не собиралась с ней это обсуждать, она ушла, допрос завершился. Насколько я понял по показаниям компьютера, произошло это совсем недавно, так что Сабина по-прежнему благополучно сидит. Скверно...

Я не очень люблю идти на контакт первым, но пришлось. Елена как раз организовывала очередные любимые тут посиделки, на этот раз на тему «Как дружить с соседями, если они пытаются тебя выпотрошить». Пока собирались все интересующие ее носители мнений, я подал ей знак, призывая отойти в сторону. Если она и была удивлена, то виду не показала.

– Вы что-то хотели, Павел?

– Сабину Бейц нужно отпустить, – обозначил я, чего хотел.

– Вы имеете в виду, прямо сейчас?

– Желательно еще вчера, но из-за драконовских законов реальности так не получится.

– Я не могу на это пойти. Сейчас на станции сформировалась довольно большая группа людей, которые не знают, кого поддерживать в этом конфликте. Им важно видеть, что мы держим ситуацию под контролем.

– Сабина знала, что так будет. По этой же причине им необходимо вернуть лидера – и они его вернут. С точки зрения репутации, будет лучше, если вы отпустите ее сами.

Она не была совсем уж упряма, обнадеживающее сомнение на ее лице все же промелькнуло. Но Елена не успела толком проанализировать ситуацию сама или задать вопросы мне, ее вызвали на совещание. Ей почему-то казалось, что это важнее, чем решить вопрос с Сабиной.

Это возвращает нас к моему внутреннему запрету на фразу «Я же говорил». Чувствую, в ближайшее время она мне понадобится.

Меня не приглашали и не запрещали прийти. Разговор мне послушать в любом случае полезно, вопрос лишь в том, буду я делать это вместе со всеми или подключусь издалека. Второй вариант был правильней, но после крайне некомфортного путешествия на станцию я был не против посидеть в кресле и ничего не делать.

Информацию о корабле все равно собирать пришлось бы. Так почему бы не позволить другим сделать это за меня?

– Я просмотрел записи, которые сделали «Бесстрашный» и челнок на месте столкновения, – отчитался Натан Риверти.

Вообще-то, заниматься таким полагалось не ему, а той же Мире. Но все прекрасно понимали, что она сейчас не в том состоянии, чтобы быстро собрать данные. И тут мог бы принести пользу Личек, однако у него есть не менее ценное оправдание: не хочется. А Риверти отказать не посмеет, у него смертная казнь в карьерных перспективах по-прежнему маячит. Плюс самая обычная человеческая совесть.

– Название корабля нигде не видно, – продолжил он. – Поэтому мы не можем сказать, что это за судно. Но можем предположить его тип. Это военный грузовой транспорт, сверхтяжелый. Модель новая, даже первая ее версия была представлена только двадцать лет назад, а это что-то более совершенное.

– Разве этого недостаточно, чтобы определить корабль? – спросил Сатурио. – Просто проверить, какой из сверхтяжелых транспортов пропал без вести в любое время. Не думаю, что это такое уж частое явление.

– Скорее, тайна федерального значения, – пояснила адмирал. – Если такие суда по любой из причин оказывались утерянными, информацию сразу же признавали секретной. Доступ выдавался по особому запросу, и в наших архивах ничего подобного нет.

А это не так уж важно. Польза от распознавания корабля была бы, если бы среди команды можно было найти знакомые имена. Но даже так, судя по поведению, они не первый год в Секторе Фобос. Может оказаться, что люди, указанные в документах, не имеют ничего общего с теми, кто сейчас на борту спусковые кнопки тискает.

Поэтому довольствоваться придется общими фактами, а их уже немало.

Первое – чистый размер этого корыта. Да не просто размер, а запас полезного внутреннего пространства. Даже на старом грузовом корабле можно было перевезти колониальную деревню, как мы недавно могли убедиться. На сверхтяжелом транспорте город поместится – со всей инфраструктурой и жителями в придачу.

Второе – автономность и долговечность. Понятно, что транспорт предназначен в основном для перемещения из точки А в точку Б. Но при этом он может остановиться и уйти в глухую оборону, если на него нападут. Это действительно крепость в космосе, не важно, что в Сектор Фобос там никто не собирался.

Третье – на борту не просто суеящаяся толпа, а вполне подготовленный экипаж. Точнее, два. Первый обслуживает корабль, второй там будет, если груз военного назначения.

В сухом остатке у нас летающая машина с потенциалом отдельной цивилизации, объявившей нам войну, и...

– Он улетает, – объявил Отто Барретт.

Да, события недавних дней повлияли на меня сильнее, чем я ожидал, да и спать иногда надо. Потому что я действительно проморгал момент, когда корабль, и без того заметный только на радарх, начал отдаляться. Остальные тоже проморгали, но им простительно.

Они, вон, даже радуются этому! Только что пришли к выводу, какая это опасная паскуда, а теперь по-детски легко поверили, что судно с таким потенциалом вдруг отступило перед нами. С чего бы? «Бесстрашный» их так впечатлил? Или они не рассчитывали на станцию, думали, *станционный* челнок СМ-2100 сам по себе тут оказался?

Мои спутники не притворялись, они и правда перешли в режим дебильных улыбок и похлопывания друг друга по плечу. А вот меня не покидало ощущение, что дела наши плохи. По какой бы причине ни отступил гигант, нам это не понравится, нам такое лучше вообще не знать, но выбора по-прежнему нет. Если честно, отступление корабля тревожило меня больше, чем нападение.

Я даже подумывал о том, чтобы организовать преследование хотя бы на уровне дронов, да не успел, не до того стало. Я ведь намекал адмиралу, что неприятности еще не закончились, что их лишь больше станет, если не отпустить Сабину... Да, *я же говорил*, иногда от очевидного не уйти.

В итоге на станции полыхнули пожары. Сборищу вояк на том транспорте, в принципе, не надо ничего делать, достаточно немного подождать. Еще чуть-чуть, и мы успешно по-

убиваем себя сами.

Астера не была готова к тому, что произошло, да и никто не был. Но она, в отличие от остальных, не собиралась впадать в депрессию или прикрывать свою растерянность злостью. Среди жизненных правил, которые она прописала для себя давно, было очень четкое отношение к прошлому. Если ты совершила ошибку – проанализируй ее и не повторяй. Если тебе не повезло – отпусти ситуацию, удача не поддается контролю. При любом раскладе заикливаться на прошлом не стоит.

Потому что основное правило всегда одно: обеспечить собственное выживание. Астера прекрасно знала, что никто о ней не позаботится, кроме нее самой, и воспринимала это спокойно. Она тоже ни о ком не собиралась заботиться.

Она предполагала, что путешествие на «Карфагене» будет самым обыкновенным. Это уже в пункте назначения придется поднапрячься, переоформляя гражданскую станцию в военную. А в путешествии от нее ничего не зависит, только и нужно, что проживать день за днем!

Единственной особенностью изначально казалось то, что она попала на один корабль с Танатисом Родинасом. Она не искала встречи с ним специально, однако и не собиралась игнорировать его, раз он оказался так близко. В конце концов, в мире не так много крупных ученых, занимавшихся проблемами кочевников, почему бы не побеседовать с одним из

них?

Причем Родинас, насколько она помнила, был скорее адвокатом кочевников, а не равнодушным наблюдателем. Умиления по этому поводу Астера не испытывала, она знала, что у каждого благотворителя на самом деле свой интерес. Она просто допускала, что наладить контакт с Родинасом будет проще, чем со многими другими учеными.

Но нет, на борту «Карфагена» он не считал нужным притворяться всеобщим милым дедушкой. То ли надоело, то ли за это просто перестали платить. Астера пересеклась с ним всего один раз, на наблюдательной площадке, и тот разговор ни к чему не привел.

Нет, все-таки жаль... Она знала, что с Родинасом путешествует кочевник, это значилось в сопроводительных документах. Правда, там почему-то не было его имени – нарушение, за которое некого упрекнуть. Астера попыталась выяснить напрямую, да не срослось. А при косвенном исследовании она получала скорее мифы какие-то, чем факты! На станциях с необъяснимым языческим удовольствием пересказывали байки о том, что на борту «Карфагена» путешествует настоящий демон, который лишь притворяется кочевником.

Астере было очень любопытно, что все это означает на самом деле. В демонов она верить не собиралась, она считала, что Родинас приютил у себя какого-нибудь мутанта. В принципе, все кочевники мутанты, но это можно принять по

умолчанию. Среди них хватает тех, кому достались редкие, а то и вовсе уникальные изменения. Астере ли об этом не знать! Но ее мутация была скорее декоративной, чем полезной. А тот кочевник... Интересно, что нужно сделать, чтобы тебя называли «карфагенской бестией» без тени иронии?

Она попыталась дождаться момента, когда кочевник появится на корабле, и понаблюдать за ним, да не сложилось. Его просто не было нигде и никогда. Астера вполне здраво оценивала свой предел, знала, что на фоне других кочевников у нее крепкий средний уровень. Чтобы оставаться для нее невидимкой, нужны специфические знания и навыки... Чуть поразмыслив, она решила, что ей это не надо, и просто оставила того кочевника в покое.

Но это было в момент, когда она считала, что они проведут вместе пару месяцев и расстанутся навсегда. Теперь же обстоятельства изменились, и каждый кочевник, оказавшийся на борту, обрел особое значение.

Они все-таки встретились, когда капитан назначил разведывательную миссию. «Карфаген» как раз подобрался к подходящему судну: похоже, пассажирский корабль, явно опустевший, с отключенными системами, но при этом неплохо сохранившийся. Астера была согласна с тем, что его нужно осмотреть, и даже собиралась участвовать в миссии лично. Половину группы собрали военные, половину – экипаж корабля, всем показалось, что так будет честно.

И вот он как раз прибыл со стороны экипажа. Это логич-

но: большинство кочевников обучено подстраховывать людей.

Так что она увидела его – и одновременно не увидела. Ожидая, когда он появится, Астера перебрала в уме немало вариантов, и все они были связаны с самим кочевником. Может, он изуродован мутацией? Или травму получил? Или увлекся татуировками и прочими модификациями, такое не раз случалось...

И все это могло быть правдой, узнать наверняка Астере было не суждено, потому что он появился в доспехах. Она понимала, что на самом деле это походный скафандр, просто модель, изготовленная на заказ. Но, глядя на игру света на черном металле, она никак не могла избавиться от ощущения, что смотрит на какую-то декорацию к фантастическому шоу, да еще и жутковатую.

Над ним хотелось смеяться – не потому, что он был смешон, а потому, что так проще заглушить страх. Но смеяться не получалось, рядом с кочевником инстинктивно появлялось желание сжаться, затаиться, не нарываться, просто подождать, когда же он уйдет... Не только Астера чувствовала это, остальные тоже замолкали. Даже те из ее спутников, которых обычно не заткнуть!

Когда выяснилось, что члены экипажа зовут его Демоном, а по имени к нему никто не обращается, Астера приняла это как вполне логичный элемент реальности.

Она все равно попыталась быть милой. В такой ситуации

нужны союзники, могущественные – тем более. Разве не логично было бы кочевникам объединиться?

Но Демон определенно так не считал. Он просто проигнорировал ее: не то что не стал копировать ее дружеский тон, он вообще не сказал ей ни слова. Будто она была пустым местом! Она видела, как зашептались о чем-то солдаты, наблюдавшие за этой сценой. Пришлось придавить их мрачным взглядом, и они тут же заткнулись, но настроение у Астеры от этого лучше не стало.

Миссия предстояла вроде как несложная: перелететь на челноке к ближайшему кораблю, посмотреть, что внутри, добыть журнал, вернуться. Обычно нечто настолько примитивное Астера считала не работой даже, а разминкой. Но здесь, среди незнакомых звезд, ей потребовалось серьезное усилие, чтобы покинуть «Карфаген». Как будто жизнь только тут сохраниться и может, а дальше – не свободное пространство, а непонятная энергия, поджидающая их... Астера знала, что это не сдерживает ее движения, что по ее равнодушному лицу никто не догадается, о чем она на самом деле думает. Но себя-то обмануть сложнее! Она не была уверена, что они готовы к правде об этом месте.

Полет прошел нормально, пристыковаться к транспорту было несложно. Переходить на борт они не спешили, для начала послали запрос центральному компьютеру. Официально главой миссии был назначен Дэвид, белобрысый помощник здешнего старика капитана. Но слушаться его Астера

планировала лишь до тех пор, пока это не противоречило ее интересам.

– Это пассажирский корабль, – мрачно сообщил Дэвид, сверяясь с компьютером. – Последний полет начал четырнадцать лет назад. Как видите, не закончил.

– Что его уничтожило? – спросила Астера.

– А ничего. Он не уничтожен, просто система жизнеобеспечения отключилась.

– Всего за четырнадцать лет? Не рановато ли?

– Возможно, изначально были какие-то проблемы... А может, за четырнадцать лет произошло нечто такое, о чем мы не узнаем.

Отключенная система означала, что живых на борту нет, но это ничего. Люди им и не нужны, если удастся добраться до черного ящика!

Как только люк был разблокирован, первыми вперед двинулись кочевники, как и положено. Астера не отказалась бы опередить Демона – чтобы показать, что не такой уж он и демон. Но прежде, чем она успела даже осознать это желание, он просто мелькнул рядом с ней и скрылся в темноте. Так быстро, что она даже не рассмотрела, как он движется. Так просто, будто тут была установлена безупречная искусственная атмосфера. Держать связь и уж тем более отчитываться о своих действиях он явно не собирался, и судя по спокойствию членов экипажа, они к такому привыкли.

Сначала Астера еще чувствовала возмущение, потом ей

стало не до того. Она допускала, что тут будут мертвые тела, но она надеялась, что они останутся где-то в стороне, при-
сматриваться не придется, это будет не так уж страшно...

Не сложилось. Похоже, билеты на этот транспорт в свое время были недорогие, потому что первый же зал оказался заполнен до предела. Астера не знала, когда умерли эти люди, и это не имело большого значения. Они оказались в ситуации, где обычное разложение просто невозможно, и теперь темнота была полна гротескных сероватый статуй, по нелепой случайности напоминавших людей.

– Они умерли одновременно, – тихо сказал Дэвид, и его голос разлетелся по всем скафандрам. – Потому что нет никаких вариантов степени разложения.

– Может, они это вообще сделали сами, – заметил один из солдат.

Астера кивнула, не зная, смотрит на нее кто-то или нет. Ей было все равно. Она просто сама в этот миг размышляла о том, что такая смерть как раз в интересах пассажиров. У них не было существенных запасов еды и воды, не было ресурсов для выживания... Рано или поздно внутри началась бы бойня, так не лучше ли сразу, быстро, до того, как они успеют в полной мере понять, что их ждет?

Но это оказалось очевидно не всем. В следующем зале тела тоже были, но в совершенно другом состоянии. Эти, похоже, успели сбежать из предыдущего зала, забаррикадировались, попытались обустроить себе убежище. Только ниче-

го у них не получилось, потому что еды и воды было мало, а желающих получить ее – много. Тела, оставшиеся в этом зале, были изломаны, избиты, окровавлены... Некоторые выглядели так, будто их рвали дикие звери, только вот никаких указаний на присутствие иных существ, кроме людей, Астера не нашла. Они сцепились тут с безумной яростью, готовы были делать что угодно, лишь бы не смотреть в иллюминатор! Потому что за ним начиналась тьма, абсолютная, живая, будто заглядывающая внутрь.

Астере казалось, что хуже она тут уже ничего не увидит, но она ошиблась. Те, кто боролся за жизнь особенно отчаянно, добыли себе немногочисленные скафандры, хранившиеся на борту по технике безопасности. За такое сомнительное сокровище пришлось подраться... А потом помучаться, потому что медленная смерть в скафандре посреди корабля с уже отключенной системой жизнеобеспечения – пытка, которой и врагу не пожелаешь.

Пустота уже осязаема, она уже внутри. Рядом то и дело мелькают трупы людей, которые поднимались на борт вместе с тобой. Никто не спасет, надежды не будет... Вот уж действительно живые позавидовали мертвым!

Астера заглянула в один из скафандров и тут же отпрянула. Похоже, его обладатель погиб раньше, чем отключилась система поддержки. В итоге разложение успело достигнуть пугающего предела, и в таком виде этот человек и остался здесь навсегда.

Кочевница никогда не была сентиментальна, однако это место давило на нее. Дело было даже не в сострадании, Астера не могла избавиться от ощущения, что она в ловушке. Всем только кажется, что это просто старый корабль, на самом деле никому не позволят уйти, никогда.

Такие мысли опутывали не ее одну, она видела, что ее спутникам тоже непросто. Всем, кроме одного...

Демон скользнул мимо с прежней ловкостью, по пути продемонстрировал, что достал черный ящик и теперь направляется обратно. И снова – ни единого слова, будто ему и звука жалко! Его даже упрекнуть за это не получалось, потому что он основное задание выполнил.

В итоге именно Демон принес наибольшую пользу. Рассказы о мертвецах и человеческих трагедиях бессмысленны в такой ситуации, факты нужнее. Благодаря черному ящику они узнали, что пассажирский транспорт попал сюда так же, как они – просто угодил в пространственную аномалию, не получив ни предупреждения, ни шанса спастись. Сам перелет он прошел нормально, а потом оказался... нигде. Посреди безымянной пустоты, которую не узнавали ни люди, ни компьютер. Несколько дней транспорт здесь метался, но он изначально не был предназначен для дальних перелетов. Люди надеялись получить помощь, посылали сигналы в тишину... но им так никто и не ответил.

Это были важные, но не исчерпывающие данные о той реальности, в которой они очутились. Астера пока решила воз-

держаться от выводов, она вообще не думала о погибшем транспорте. Ее мысли крутились вокруг Демона – и ей все больше не нравилось его отношение. С людьми он может вести себя как угодно, но своих он уважать будет! Он просто непозволительно расслабился за столько лет вдали от кочевников, это придется исправить.

Она всегда знала о том, какое значение для ее вида имеет грубая сила. Астера не любила прибегать к этому методу, но и не сторонилась его, если очень надо. Она не была уверена, что сможет победить Демона, так ведь это не единственный допустимый исход! Ей достаточно потрепать его, сделать его победу трудной, чтобы заслужить его уважение.

Она знала, что он живет в лаборатории доктора Родиаса, и пришла туда. Демона по-прежнему нигде не было, а вот старик на ее стук открыл.

– Я хочу вызвать его на поединок, – равнодушно сообщила Астера. – Полагаю, вы изучали наш вид достаточно долго, чтобы знать, для чего это.

– О, я знаю, для чего это! – усмехнулся Родиас. – И посоветовать я могу только одно: отступи. Прямо сейчас уйди и не думай об этом.

– Я не могу.

– Можешь, поверь мне, лучше умерь гордость сама, пока это не сделал он!

– Не заставляйте меня настаивать. Это может вам очень не понравиться.

Старик окинул ее неприязненным взглядом, он явно хотел сказать что-то еще, а потом просто махнул рукой. Он ушел обратно в лабораторию, а из темноты неспешно появился Демон – снова в этих дурацких доспехах... Или не совсем в них? Сначала Астере показалось, что это тот же наряд, в котором он выбирался в космос. Но, присмотревшись внимательней, она разглядела, что это скорее облегченная имитация, а иллюзию создает шлем, скрывающий лицо.

Она ожидала, что Демон начнет спорить с ней, может, оскорблять... Но он по-прежнему был не склонен к разговорам, он просто все завершил.

Она не поняла, что произошло. Причем не только в тот момент, сколько бы Астера ни возвращалась к этому позже, она так и не нашла объяснение. Вот она была на ногах – а вот валяется на полу, сжавшаяся, едва способная дышать. Удар, который она не предвидела, не рассмотрела даже, пришелся в солнечное сплетение, выбил из нее воздух, откинул назад, и она приложилась о стену с такой силой, что треснули ребра, это она чувствовала пугающе остро.

Один удар... Ему одного удара хватило! А она даже унижения не чувствовала, слишком страшно ей было сейчас, слишком грандиозной оказалась разница в силе.

Она не сомневалась, что Демон мог бы убить ее, но он то ли не хотел, то ли не спешил. Он медленно подошел вплотную к ней, а она, задыхающаяся, не могла даже голову поднять, пришлось пялиться на остановившиеся прямо у ее ли-

да черные ботинки. Она понимала: один удар – и для нее все может закончиться. Вроде как это не нужно, но кто поймет, насколько он мстителен? Его ведь даже не накажут за это, сейчас кочевники стали на вес золота!

Так что прекращение боя было в ее интересах, не в его. Астере пришлось собрать все оставшиеся силы, чтобы поднять руку в жесте, традиционно означающем капитуляцию. Большого она бы сделать не смогла, даже от этого перед глазами полыхнула ослепительно-белая вспышка.

Но Демон остался доволен. Он принял ее поражение и ушел, он даже не подумал ей помочь. Что ж, если говорить только о первоначальной цели, то своего Астера добились. Традиционная иерархия между кочевниками была установлена раз и навсегда.

Пожары могли теперь вспыхнуть где угодно. Не появлялось никакого предупреждения, система не фиксировала сбои – потому что их не было. Просто черный дым и пламя вырывались то из решетки вентиляции, то из подсобки, то со складского помещения, а окружающим приходилось справляться с последствиями.

В том, что это поджоги, и сомневаться не приходилось. Увы, все было очевидно только для руководящего состава. Фактических доказательств не нашлось, мятежники действовали очень грамотно, и обвинить их открыто не получалось. При малейшей попытке сделать это они начинали го-

лосить о плачевном состоянии «Виа Ферраты», которое допустили как раз нынешние лидеры.

Они играли нагло, жестко и опасно. Елене Согорд они напоминали маленьких детей, которые в силу возраста не сильны в долгосрочных прогнозах. Вот им нужно победить – и они победят во что бы то ни стало. А что при этом станцию разнесут – как оно само как-нибудь потом наладится!

Адмирал до последнего надеялась решить проблему своими силами, но в какой-то момент признала, что не сможет. Десятки маленьких пакостей оказались куда лучшей стратегией, чем серьезные атаки. Перехватить их все было невозможно, людям приходилось метаться, и люди уставали. Даже кочевники сейчас остро нуждались в паузе, они и так пережили сложнейшую миссию. Елена ни в чем их обвинить не могла и от своей роли не отказывалась.

Она все-таки пришла к Сабине. Та насмехаться не стала, она выглядела все такой же невозмутимой, будто она тут по доброй воле.

– Вы ведь даже не были подругами, – устало напомнила Елена. – Вы и Хетланд. Но в решающий момент вы предпочли поверить ей.

– Я уже объясняла, что это не связано с Лилли напрямую. Просто ее подход внушает мне хоть какую-то надежду.

– По станции горят пожары.

– Они угрожают системе жизнеобеспечения?

– Они дестабилизируют обстановку. А при нынешнем со-

стоянии «Виа Ферраты» сложно предсказать, что нанесет ей реальный вред.

– Так давайте не будем экспериментировать! Просто отпустите меня и все.

Этого Елене как раз не хотелось, какая-то часть ее готова была продолжать разговор, упрекать, пока Сабина не осознает полный масштаб катастрофы, которую устроила. Однако в глубине души адмирал знала: это бесполезно. Сабина прекрасно понимает, какие риски несет ее решение. Она будет держаться за веру в то, что цель оправдывает средства, потому что ей так выживать проще.

Поэтому она позволила Сабине уйти, а пожары... Пожары не прекратились. Точнее, изначально казалось, что мятежники выполнили свое обещание, раньше они так и поступали. Но вскоре после того, как след Сабины затерялся в рекреационной зоне, произошло новое возгорание.

На этот раз совсем мелкое, так, оплывило металл, прежде чем все потушили – но сам факт! Пожары сохраняли за собой роль акта запугивания. Людям и без того тяжело расслабиться в Секторе Фобос, поверить хоть в какую-то иллюзию безопасности. А когда у тебя в любой момент земля под ногами загореться может в самом буквальном смысле... сколько вообще можно выносить такое напряжение?

Елена ждала, кто свяжется с ней теперь, и спокойно отнеслась к тому, что увидела перед собой Лилли Хетланд. На экране, разумеется, не вживую, Лилли не осмелилась бы к

ней подойти.

Она выглядела неплохо, но это понятно, она провела в заточении не так уж долго. Насколько было известно Елене, при захвате станции она вообще не пострадала, паразит обошел ее капсулу стороной. Если еще и сохранялась неестественная бледность, Лилли успешно скрыла это косметикой, да и камера передает не все.

Адмирал вынуждена была признать, что рядом с ней бывшая заместительница выглядит намного моложе, свежее и... достойней доверия.

– Приятно, что мы снова можем беседовать как цивилизованные люди, – оценила Лилли.

– Хотелось бы еще, чтобы все стороны вели себя как цивилизованные люди.

– Вы про пожары? Это вынужденная мера. У меня есть причины считать, что так вы пойдете на определенные уступки быстрее.

Лилли держалась почти так же хорошо, как Сабина – разговаривала спокойно и вежливо, не срывалась на крик. И все же перекрыть себя она не могла, взгляд все равно оставался злым, колючим, ничего не прощающим. Лилли наверняка не болтала бы сейчас, а наблюдала, как Елену отправляют в камеру, а то и вовсе к внешнему люку. То, что она не могла устроить такое незамедлительно, не означало, что она откажется от мести.

Да и Елена не испытывала никакого восторга от этой бе-

седы, но работа есть работа.

– Каких еще уступок вы хотите?

– Нам нужна своя территория.

– Ни в коем случае. Мы не будем дробить станцию.

– А придется. У нас много союзников, которые не хотят жить по устаревшим правилам. У людей должен быть выбор! И это вполне осуществимо: мы сделаем независимой территорией рекреационную зону. Там есть все условия.

– Тогда остальной экипаж останется без возможности отдыха.

– Переживут! Я не буду жертвовать свободой моего народа, чтобы пьяной толпе было где к роботам приставать!

Елена едва удержалась от того, чтобы раздраженно закатить глаза. «Мой народ», надо же... Откуда это все время лезет? Чем ничтожней человек, тем больше пафоса он добавляет в оправдание своих поступков.

– Я предлагаю сначала провести опрос, выяснить, сколько людей вас поддерживает, и уже на основании этого предоставлять или не предоставлять вам территорию.

– Не пойдет, – покачала головой Лилли. – Они на прямой вопрос не ответят, они слишком напуганы – особенно теперь, когда кочевники вернулись! Поэтому у людей должно быть убежище, в которое они могут прийти и свободно выражать волю.

– Хетланд, вы правы в том, что в рекреационной зоне можно жить. Но она не подходит для самообслуживания. Там нет

возобновляемых источников еды и воды, она не вырабатывает энергию... Как вы намерены решить эту проблему?

– Тут вам придется нас поддержать, адмирал. Раз уж большая часть станции продолжит принадлежать вам! Все ресурсы нам будут предоставлять извне. Не думаю, что это станет такой уж большой нагрузкой на станцию.

– Недопустимой, – отрезала Елена. – Не знаю, успели ли вам сообщить, но у нас появился внешний враг...

– Вот на нем и сосредоточьтесь!

– Это будет не так просто, когда вы подтачиваете станцию изнутри.

– Я борюсь за свободу! – гордо объявила Лилли. – Свободу выбора, человеческое достоинство, демократию, в конце концов! И это намного важнее, чем то, что вам будет менее комфортно, чем обычно.

– Вы не глупы, Хетланд, а значит, извращаете ситуацию намеренно. Зачем?

– Я не буду вступать с вами в дискуссию, адмирал. У меня нет на это ни времени, ни сил, мне нужно оздоравливаться после того, что вы со мной сделали! Я пришлю схему той территории, которая должна стать нашей. У вас сутки на размышления. Если нет... Я приму и такой вариант. Но станция продолжит гореть.

Анталь никак не мог избавиться от ощущения, что подводит команду. Естественно, он не болтал о таком, не позволял

окружающим заметить и намек на неуверенность со стороны капитана. Но сам-то он знал! И порой эти мысли покалывали особенно болезненно.

Он не был готов к такой ситуации. Собственно, никто не был, но с подобным каждый справляется по-разному. Среди секретов, которые Анталь давно уже хранил, была вера в мистику космоса. Появилась она еще во времена его юности, когда общины, в которых он проводил большую часть времени, протестуя против отца и вообще всего глобального, рассказывали ему о древних практиках. Он тогда много что узнал – и попробовал. Что-то сразу отбросил как откровенное надувательство. Ну а что-то навсегда оставило в душе след, ощущение, что все на самом деле связано и все не случайно.

С тех пор прошло много лет, Анталь не просто взрослым считался – опытным... Примерять на себя определения вроде «средних лет» или даже «старшего возраста» по-прежнему было неприятно, но и от правды он не отворачивался. Так что он был достаточно уверен в себе, чтобы ни перед кем не оправдываться и все равно верить.

Теперь это сыграло с ним злую шутку. Когда началась эта миссия, он ведь много думал о том, как здорово было бы, если бы этот грандиозный груз оружия не доехал до пункта назначения, просто сгинул! Устраивать саботаж Анталь не собирался, это было лишь абстрактное желание... Кто ж знал, что оно возьмет и сбудется? Другие его желания сбываться

не спешили!

Теперь вот все они застряли в пустоте, и пустота эта наблюдает за ними – недобро так наблюдает и однажды устанет просто смотреть... До того, как это случится, Анталь хотел разобраться, где они оказались и чего тут можно ожидать.

Пока что подсказок не было. После необъяснимого перехода прошло почти три месяца. Они не останавливались ни на минуту и уж точно не собирались сдаваться. Они исследовали ту странную территорию, на которой оказались... Только это ни к чему толковому не вело.

Все немногочисленные корабли, которые они тут обнаруживали, были безнадежно мертвы и подсказок им не давали. Некоторые сохранялись неплохо, как тот первый исследованный транспорт. Некоторые были искорежены, изодраны, в них и творение рук человеческих едва распознавалось. Анталь не представлял, что с ними случилось, да и не хотел знать.

Объекты естественного происхождения, оказывавшиеся рядом с ними, были обычными... Относительно, конечно, насколько предсказуемым вообще бывает космос! Но «Карфагену» не было толка от всех этих каменистых спутников или бестолково мелькающих неподалеку астероидов, да и полыхающие вдалеке звезды не сулили ничего хорошего.

Команда держалась неплохо. Анталь настаивал на том, чтобы все считали миссию продолжающейся. Не потому, что он действительно надеялся довести куда-то этот груз, просто

цель придавала происходящему хоть какой-то смысл. Особенно при том, что у них полный корабль военных, нет даже ученых, которые занялись бы проблемой. Ну, кроме Родина-са, но он медик, что он тут может?

Анталью оставалось лишь гнать «Карфаген» вперед, надеясь, что подсказка появится сама собой. Так, в общем-то, и случилось.

Когда на сканере появился очередной рукотворный объект, Анталь не придал этому большого значения. Предыдущие разведывательные миссии отняли много ресурсов и ничего им не дали. Теперь он намеревался отправлять на борт людей, только если был шанс чем-нибудь там пожить. То, что этот корабль особенный, определил не Анталь, а главный инженер «Карфагена»:

– Там, похоже, жизнь!

– Что? – насторожился капитан. – На основании?

– Корабль продолжает работать... Только это не корабль, это станция!

Это действительно была станция. Совсем небольшая, не военная и даже не общего пользования. Тут каким-то образом оказалась малая техническая станция. Такие обычно размещаются возле объектов, для жизни не предназначенных – вроде пояса астероидов. Это позволяет людям работать в космосе, а ночевать в безопасном убежище, да еще и семьи с собой привозить.

Теперь вот одна из таких станций оказалась в этой пусты-

не... Анталь давно уже подозревал, что с теми «кротовыми норами», которые утягивают сюда корабли, что-то не так, не может их быть столько! Но научного отдела на «Карфагене» по-прежнему не было, и от темы пришлось отстраниться.

Что бы ни стало причиной перехода, маленькой станции оно не навредило. Она продолжала существовать здесь точно так же, как когда-то на изначальных координатах. Все системы действительно работали, и Анталь не знал, сколько она может автономно функционировать, но подозревал, что долго.

Судя по состоянию корпуса, станция пробыла в пустоте не один год. Она, в отличие от «Карфагена», двигаться не могла, так что эти люди просто оказались вырваны из привычной реальности – и попали сюда... В никуда. Вряд ли они могли разглядеть с такого расстояния другие корабли, разве что дроны к ним посылали. Но и дроны доложили бы им только о том, что остальные люди мертвы.

Они выживали здесь одни, без надежды, без веры... И хотя положение «Карфагена» по-прежнему оставалось тяжелым, мысль о том, что они смогут помочь, что их появление принесет пользу, придавало Анталю сил. Он не представлял, что сейчас творится на станции – ведь к ним наконец-то прибыли люди! Но скоро ему предстояло узнать.

Он связался со станцией сразу же, как только это стало возможным.

– К вам обращается Анталь Акос, капитан военного

транспорта «Карфаген», зарегистрированного на Земле. Мы случайно оказались на этой пустынной территории и рады видеть здесь жизнь. Мы готовы оказать любое содействие. Назовите себя и сообщите, какая помощь вам требуется.

Он знал, что его услышали, связист подтвердил. Анталь был уверен, что готов к любому ответу. Скорее всего, сейчас начнутся радостные рыдания и благодарность судьбе за то, что человечество наконец-то их отыскало. Это не решит все проблемы, но даст хоть какую-то надежду – причем сразу двум сторонам.

А может, они не станут спешить, отнесутся ко всему настороженно. Это тоже можно понять: они были в пустоте одни так долго и друг – люди! Откуда? Может, это и вовсе иллюзия! Анталь заранее прощал собеседников за недоверие и готов был ответить на любые вопросы.

Чего он точно не ожидал, так это абсолютно спокойного ответа:

– Мы не нуждаемся ни в каком содействии, у нас все хорошо. Продолжайте движение без стыковки. Счастливого пути!

Сказали это – и замолчали, будто реакция вполне нормальная! На «Карфагене» повисла напряженная тишина, не один Анталь пытался разобраться, что это вообще было. С ним говорила женщина, похоже, старшего возраста, но точно не старуха. Голос звучал спокойно, без надрыва. Если она и поддалась безумию, это безумие было холодным. Ей каза-

лось, что у нее все под контролем, и даже появление нового корабля она не сумела воспринять как чудо.

Но это не означало, что на станции действительно все хорошо. Скорее, наоборот.

Анталь не разобрался до конца в том, что случилось, он был от этого очень далек. Но он оставался капитаном и не мог позволить себе затянувшееся молчание.

– Боюсь, это не вариант, – жестко сообщил он. – Назовите себя.

– Я Обри Джулия, – после недолгой паузы ответила та же женщина. – Я управляю станцией «Колония».

Это не могло быть официальным названием станции, никак, но Анталь решил пока не цепляться к мелочам.

– Чем занимается станция?

– Раньше мы были шахтерами, теперь просто выживаем.

– Вы понимаете, где находитесь?

– У нас есть предположения.

– Я хотел бы провести полноценные переговоры, – заявил Анталь.

– Разве сейчас мы проводим не их?

– Вы знаете, о чем я. Переговоры лицом к лицу, с возможностью увидеть, что происходит на станции.

– А если я откажу?

– Это будет выглядеть по меньшей мере подозрительно.

– Как мне понять, что вы не хотите нас захватить?

– Мы можем сделать это и не проникая на борт.

Она и сама все прекрасно понимала. Даже если Обри не разбиралась в военных кораблях, она не позволила себе обмануться определением «грузовой транспорт». Да кто угодно разглядел бы орудия, усеивающие броню «Карфагена»!

Так что Анталь не соврал, они и правда могли бы захватить станцию. Только зачем она им? Объект чуть ли не аварийный, в нормальных условиях людям не позволили бы там находиться! Тем больше для этих людей причин рваться на борт «Карфагена»... И Анталю очень хотелось знать, почему не рвется вообще никто.

Как он и ожидал, Обри быстро согласилась на переговоры. Заниматься этим он планировал лично. Анталь понимал, что угроза есть – и что она невелика. Он даже не стал брать с собой Демона, нужды не видел, люди только испугаются напрасно. Астеру он тоже не приглашал, но она сама вызвалась пойти, когда оказалось, что к миссии примкнет и Франц, этого должно быть достаточно.

Полковник выглядел недовольным, но к такому все уже привыкли. На корабле он еще сдерживался, явно не хотел ставить под сомнение авторитет капитана при его людях. Но как только они оказались в челноке, Франц не удержался:

– Зачем вы это затеяли? Вы действительно так хотите разграбить этот унылый мусорный контейнер?

– Подбирайте слова внимательней, – осадил его Анталь.

Полковнику хватило совести на минимальную вежливость:

– Прошу прощения, ирония тут и правда неуместна. Для чего мы туда летим?

– Чтобы узнать, не нужна ли этим людям помощь.

– Они вполне ясно дали понять, что не нужна.

Дураком Франц не был, это Анталь признавал даже сквозь неприязнь к нему. Так что вряд ли полковник действительно поверил, будто на станции, давно затерянной непонятно где, все замечательно. Он тоже понимал, насколько странная у этих людей реакция.

Но он трактовал странность как угрозу и в этом был прав. Для «Карфагена» было бы лучше пролететь мимо, не ввязываясь в откровенно сюрреалистичную ситуацию – когда две группы людей делают вид, что друг друга не существует, хотя в альтернативах у них только бесконечность.

Анталь так не мог. Он понятия не имел, в чем проблема той женщины, которая завладела рацией. Но ему нужно было убедиться, что никто на борту действительно не нуждается в помощи, прежде чем они полетят дальше.

Прибытие прошло спокойно: никто не пытался на них напасть, никто им не угрожал. Да, чужаки были уязвимы, когда перешли на борт. Но, видно, Обри здраво оценила возможности «Карфагена» и решила не рисковать. Она ведь не знала, кто к ней прилетел!

Обри Джулия оказалась невысокой женщиной, не столько полной, сколько круглой во всем – похожее на яблоко тело, большая голова, ореол рыжих кудрей. Казалось, что она еще

и подчеркнуть это пытается длинным широким балахоном – розово-красным с размытыми неоновыми узорами. Нечто подобное Антадь видел последний раз во времена своей ранней юности, проведенной в общинах космических хиппи.

Несмотря на начало их общения, сейчас Обри была само дружелюбие. Когда они добрались до зала приемов, она кинулась к ним с распростертыми объятиями, хотя по-настоящему обнять так и не решилась. Она выглядела обрадованной, искренней... Верить в эту искренность Антадь не соби-рался, но признавал, что актриса она хорошая.

Другие обитатели станции таким восторгом не искрились. Запуганными они тоже не выглядели, скорее, мрачными. Они были одеты куда проще, хотя не в откровенные лохмотья, самые обычные шахтеры на отдыхе.

Так что очевидных проблем на станции не было, и все-таки что-то было. Антадь просто никак не мог понять, что именно. Дело было не в конкретном моменте, на который можно обратить внимание. Скорее, на него давила общая атмосфера напряженного молчания, опущенных взглядов, натянутых улыбок.

Казалось, что все тут хранят общую тайну, которая никому на самом деле не нужна. Спрашивать о ней было бесполезно, скажут, что ему просто почудилось!

Устраивать им экскурсию по станции Обри не стала, но пару залов показала, провожая к своему кабинету. Помещения были старыми и чистыми, износ уже хорошо так про-

смастривался, но пока не грозил мгновенным разрушением. И все же, все же... Сколько еще протянет эта рухлядь? Станция слишком долго существовала в условиях, для которых не предназначалась.

В свой кабинет Обри пустила только Анталя и Франца, остальным велела подождать в коридоре. Анталя не сомневался, что кочевница все равно перехватит каждое слово, слух у этих созданий получше, чем у людей!

– Я очень надеюсь, что моя изначальная реакция не оскорбила вас, – улыбнулась Обри. – Просто это все было так неожиданно...

– Для нас тоже. Вы знаете, где мы все находимся?

– Если честно, даже не представляю!

Отчасти его предположения подтвердились: станцию просто вырвали с привычных координат. Причем в их случае шок был даже сильнее, чем в случае «Карфагена», они ведь вообще не должны были никуда перемещаться! Но вот на борту отключилась энергия, началась аварийная перезагрузка системы. Когда же все завершилось, за окном уже сияли совсем другие звезды.

Произошло это три года назад – и очень далеко от того участка, с которого забрали «Карфаген». Анталя не хотел пока даже думать, какого масштаба на самом деле проблема... Да и какая разница? Предотвращение новых похищений – если такое вообще можно предотвратить! – становится задачей тех, кто остался. Те же, кто угодил сюда, должны сосре-

доточиться на выживании.

– Естественно, сначала мы прошли через кризис, – рассказывала Обри с такой необъяснимой мечтательностью, которая для описания кризиса никак не подходит. – Мы ведь были не готовы с такому! На этой станции работали сменами, и никому по-настоящему не нравилось здесь находиться. Но деньги за это всегда давали хорошие, вот мы и терпели.

– Когда известен конечный срок, терпеть проще, – заметил Антадь. – Здесь правила другие.

– Да, и, не буду врать, это стало для нас большим ударом. Были и конфликты, и потасовки... В первый год всё было! К счастью, мы сумели вовремя остановиться. Да, никто не рад случившемуся. Но какой смысл плакать и сокрушаться? Мы должны просто жить здесь.

– А вы, еще раз, кто? – поинтересовался Франц. – Я не хочу проявлять неуважение, я признаю вашу сегодняшнюю роль на станции. Но знаю я и то, как обычно устроены шахтерские временки. Вы не кажетесь самым типичным управляющим для такого места.

– Потому что я женщина? – поджала губы Обри.

– Не только, но и поэтому тоже. Мы не на светском приеме, мне придется отвечать честно.

– Вы правы, изначально станцией руководила не я. Но мой предшественник не был готов к тому, что тут произошло, и почему-то решил поискать ответы на дне бутылки. Я изначально занималась ведением хозяйства на станции. Я не

рвалась к власти, но мне пришлось – кто-то должен был это сделать!

В рамках космической легенды звучало неплохо, а вот в реальности... Антадь слабо представлял ситуацию, при которой станцию шахтеров спас хиппи-завхоз. Нет, должно было произойти что-то еще, то, что заставило этих людей признать руководство Обри... И судя по тому, что она тут из всех сил сочинительством занимается, истинную основу своей власти ей раскрывать невыгодно.

– Разве вы не должны были обрадоваться тому, что вас спасут? – не выдержал Антадь.

– А вы спасете? Вы знаете, где мы? Куда лететь?

– Нет, но мы хотя бы можем лететь!

– Разве ж это достижение? – усмехнулась Обри. – Не стоит считать нас совсем уж нелюбопытными... У нас были челноки, которые прежде доставляли людей от станции к астероидам и обратно. Сейчас уже нет, а тогда были! Мы исследовали свое окружение, сколько могли, и убедились: здесь безопасней оставаться на месте. Мы повсюду только разрушенные корабли и находили! А если смерть перехватывает в движении, оно сразу теряет любую привлекательность.

– На месте, значит, оставаться не страшно?

– Мы установили мир с этим местом, мы признали его власть, этого достаточно для сохранения гармонии.

Она что-то недоговаривала... Обри не просто изображала из себя блаженную, она намеренно болтала лишнего, чтобы

они не начали задавать ей неудобные вопросы. А Анталь, как ни старался, не мог понять, в чем тут подвох.

– Мы не хотим лететь с вами не из недостатка уважения, – продолжила Обри. – И вас мы не зовем остаться по той же причине. У нас просто уже все рассчитано, все в гармонии. Да, ваше появление стало определенным потрясением. Но вы улетите, все забудется, и наша жизнь продолжится.

– Вы настолько уверены, что мы действительно улетим? – прищурился Франц.

– Я надеюсь на это. Я понимаю, что вы можете уничтожить нас и захватить силой... Но я надеюсь, что вы этого не сделаете. Да и зачем? У нас нет ничего такого, что принесло бы вам пользу. Ну а кровожадность ради кровожадности... Хочется верить, что род людской до такого не докатится!

Она манипулировала пусть и несколько неуклюже, но не так уж плохо. Из потенциальных спасителей она превращала их в злодеев. Это выглядело вполне убедительно, потому что насильное спасение не нужно никому, они навредят и людям на станции, и себе. Если баланс установлен, почему бы не придерживаться его, а на все странности просто махнуть рукой?

Им пришлось уйти. Возможно, полковник заметил бы больше, если бы оказался в этом хоть сколько-то заинтересован. Но нет, Франц радовался тому, что переговоры закончены, и не скрывал свое отношение.

Когда они готовились к отлету, провожать их снова вышла

внушительная группа – пара сотен человек точно наберется! Связанных нет, оружием им никто не угрожает, но и уверенными они не выглядят. Анталя не покидало ощущение, что они ждут от него чего-то, а он понятия не имел, чего!

Он все-таки не выдержал. Вместо того, чтобы отправиться на челнок, он развернулся и громко произнес:

– Мы готовы принять на борт любого, кто выразит такое желание! Прямо сейчас отправляйтесь с нами, и мы вас защитим. Если места на челноке не хватит, прилетим еще раз, столько, сколько понадобится. Мы хотим помочь!

Он надеялся, что хоть кто-то откликнется. С людьми так часто бывает: если им подают пример, они делают то, чего им изначально хотелось, с большей готовностью.

Но здесь никакого примера не было. Анталя не мог сказать, что на него смотрели тупым стадом – на него не смотрели вообще! Ощущение, что он подвел этих людей, лишь усиливалось.

Обри позволила ему внушительную паузу на ожидание, потом только сказала:

– Что и требовалось доказать. Надеюсь, вы довольны? Счастливого пути!

Он просто кивнул ей. Он даже теперь не хотел сдаваться, и после того, как челнок отстыковался от станции, Анталя приказал лететь не обратно, а по большому кругу. Он собирался осмотреть станцию, понять, что происходит... Усилия были ровно настолько тщетными, насколько следовало ожи-

дать. Люди даже сейчас наблюдали из иллюминаторов – однако о помощи не просили.

Он хотел приказать пилоту пролететь над станцией, чтобы заглянуть в центральный купол, но Астера предложила:

– Лучше снизу. Сверху там будут сплошь защитные решетки.

– А снизу что, все тайны мироздания? – усмехнулся Франц.

Кочевница осталась невозмутима:

– А снизу есть стыковочная площадка, к которой нас направить было бы удобнее, и не пришлось бы ходить через станцию. Но та космической формы дама почему-то предпочла не ее.

Это и правда было любопытно, однако не шокировало. Станция не в лучшем состоянии, площадка могла прийти в негодность, вот и весь секрет! Но Антадь предпочел последовать совету кочевницы, они все равно ничего не теряли.

Вряд ли Астера действительно о чем-то догадывалась. Возможно, она предложила наугад, а может, как и Антадь, почувствовала что-то неладное и искала этому хоть какое-то объяснение. В любом случае, права оказалась она...

Под станцией были люди. Не живые, конечно, давно уже не живые... Такие же мертвецы, каких Антадь не раз наблюдал в этой проклятой пустоте. Но если там они были в единой могиле со всеми, то здесь изуродованные тела будто льнули к выжившим, надеясь, что над ними сжалятся и впустят об-

ратно...

Никаких монстров, никаких чудовищ, никаких мутантов. Судя по одежде, обитатели станции убивали себе подобных – и уже давно! А значит, любого из людей, которых он только что видел, возможно, ожидает такая же участь, и они ее принимают... Или не знают о ней? Но выглядели так, будто знают!

Анталь осознал, что не обязан им помогать, что происходящее на станции «Карфаген» не касается.

Но просто развернуть корабль и улететь, бросив сотни людей на верную смерть, он уже не мог.

Мира старалась не злиться. Хотя поводов хватало, конечно, как и людей, которых очень уж хотелось придушить...

Почетное первое место, безусловно, занимала Лилли Хетланд. Однажды она уже навредила станции, а теперь изо всех сил делала вид, что пострадала из-за необычайной любви к близким своим. В момент всеобщей растерянности она предлагала простые и понятные решения. Люди верили ей, потому что предполагали: она не будет их обманывать, она же никуда не сбежит с космической станции! Но Лилли и не требовалось сбегать, она понимала, что сменить лидера не так просто. Как только она закрепится в этой роли, избавиться от нее будет почти нереально.

Так что на людей Мира тоже злилась, вот эту абстрактную толпу, которая уверена, что неприятности свалились на

них по вине других, что можно было предотвратить и исправить... Это ведь куда более простой подход, чем абстрактный ужас непонятно перед чем! В итоге люди позволяли себя использовать.

Да и на адмирала она не злиться не могла... Умом Мира понимала, что у Елены сейчас связаны руки. И все равно она не могла избавиться от ощущения, что, если бы адмирал действовала жестче и решительнее, весь этот бардак давно бы закончился.

Поэтому поводов для злости сейчас хватало, и ни от одного не было толку. Мира боялась сорваться, выпустить то самое существо, и тогда ситуация на станции станет намного хуже. И вроде как ликвидатор еще никогда не выбирался исключительно на эмоциях, без травмы, но кто же поймет, какие перемены могли произойти с этим созданием в Секторе Фобос?

Просто успокоиться Мира не могла, сама мысль об этом бесила еще больше. Медитации любого толка тоже не особо помогали. В какой-то момент ей пришлось признать: если она не отвлечется, станет очередной угрозой общественной безопасности!

Так что садилась за работу она от безысходности, а потом только поняла, что все-таки может повлиять на всю станцию. Правда, не одна. Мира не была беспомощна без ликвидатора, однако уникальными боевыми способностями похвастаться не могла. Обычно это ее не напрягало – она ведь

механика, а не вышибала! Но сейчас способность бить понадобилась так же остро, как способность думать.

Чуть посомневавшись, она направилась к Сатурио. Нельзя сказать, что Мира окончательно избавилась от чувства вины перед Барреттами, но и шарахаться от них не видела смысла. Сейчас вообще очень сложно определить, кто на чьей стороне, кто мог спеться с мятежниками... Не сомневалась Мира только, пожалуй, в Гюрзе и кочевниках. А с учетом того, что маньяк опять активно отсутствовал, оставались лишь полицейские.

Старший из Барреттов как раз дежурил в участке – она знала, что застанет его там, проверила записи в журнале. Сатурио вряд ли ожидал ее увидеть, но выглядел настолько уставшим, что даже не удивился.

– Что-то еще случилось? – поинтересовался он, игнорируя приветствие.

– Ты в порядке? – растерялась Мира, на миг позабыв, зачем вообще пришла.

– Нет, и никто тут не в порядке. Ты ради беседы заявила?

– Я заявила, потому что подозреваю: у нас есть шанс отловить тех, кто тут устроился маленькими веселыми зажигалками! Но если тебе нужно отдохнуть, я позже зайду...

Последнюю фразу она могла бы и не добавлять. В момент, когда она сказала, что есть повод для охоты, Сатурио преобразился мгновенно. Похоже, усталость его была вызвана не

недостатком сил, а недостатком действия. Он, как и Мира, устал поддаваться и выполнять требования каких-то неадекватов. В последнее время кочевники только и делали, что устраняли последствия мятежей. Возможность наконец опередить в чем-то противника показалась Сатурио более чем вдохновляющей.

– Я полностью к твоим услугам, – усмехнулся он.

Мира открыла на полицейском компьютере карту и обозначила точки, в которых уже случились пожары.

– На станции все эти игрища с огнем крайне небезопасны, – пояснила она. – Нужно было такое место, где пламя вспыхнет быстро, будет заметно, напугает, но при этом не уничтожит всё безвозвратно. Это было понятно сразу. Но я заметила и кое-что другое: все точки были достаточно близко к местам, где очень легко подключиться к энергетической сети станции.

– И для нас это означает?..

– Для нас это означает, что пожары устраиваются какими-то приборами, которые создает и подключает не самый умелый механик. То есть, справиться он может, но при максимально комфортных условиях.

Мира ввела дополнительную команду, и одна сеть ярких точек на карте сменилась другой, куда более скромной.

– Мест с такими условиями осталось не так уж много, вот они все, – пояснила она. – Понятно, что сейчас поджоги стали устраивать реже. Но адмирала продолжают шантажиро-

вать этим, значит, от идеи с праздником пиромании не отказались. Я бы на их месте установила устройства в этих местах.

– Все равно многовато для нас двоих.

– Ты родню позвать не хочешь?

– Нежелательно, – вздохнул Сатурио. – Ценители свободы считают своим долгом постоянно отвлекать полицию. Действуют как по учебнику, но проблемы доставляют вполне реальные. Если я брошу всех своих на поиск устройств, это заметят.

– Да, ты прав... Тогда придется справляться нам. Мы не будем метаться между точками, я думаю, что во многих устройства уже установлены. Мы их отключим и заберем. Если все пройдет как я надеюсь, мы отменим часть пожаров или все, и это по минимуму.

– А по максимуму тогда что?

– Они могли поставить систему отслеживания на устройства, заметят, что произошло отключение, придут разбираться и чинить... Ну, а дальше в дело вступаешь ты.

Если бы кочевники ее не поддерживали, она бы справилась сама. Но этого Мире не особо хотелось – на станции стало небезопасно, да и события последних дней как-то не вызывают желания оставаться одной в полутемных пустынных тоннелях.

Сатурио таких сомнений не испытывал. Ему досталось не меньше, чем Мире – даже больше! Но он переносил это

невозмутимо, и когда понадобилось войти в душный, отвратительно освещенный лабиринт технических коридоров, кочевник сделал это без единой паузы.

Его спокойствие понемногу передавалось и Мире. С каждым шагом она все меньше оглядывалась по сторонам, она не прислушивалась к любому шороху – в технической зоне это было по меньшей мере наивно. Мира рассудила: она все равно не обнаружит ничего такого, что упустит кочевник, поэтому обеспечение безопасности логично было передать ему.

Хотелось найти что-нибудь в первой же точке, да не сложилось. Там, где по предположению Миры должно было находиться устройство для разжигания, не было вообще ничего. И это не опровергало ее теорию, но она все равно смутилась: ей казалось, что кочевник сейчас поставит все под сомнение, хотя бы упрекнет ее... А он молча двинулся дальше.

Мятежники, даже если они использовали тоннели, не желали подыгрывать Мире, потому что и проверка следующих точек ничего не принесла. Неловкость становилась почти болезненной. Чтобы избавиться или хотя бы отстраниться от этого ощущения, Мира первой нарушила молчание:

– Ты ведь так и не сказал мне...

– Что именно?

– Как ты спасся при столкновении с ликвидатором.

– Я тебе рассказал, что там случилось.

– Не все! В твоём рассказе ты как будто не говорил с ней...

А мне нужно знать каждое слово!

– Зачем тебе это нужно?

– То есть, ты не отрицаешь, что важные слова были?

– Мира, постарайся не превращать разговор в ловушку. Особенно такую примитивную. Если ты ожидаешь, что я сообщу тебе какое-то волшебное заклинание, которое умиротворяет ликвидатора, то зря. Я сам такого не знаю.

– Может, и знаешь, просто не понимаешь, что это оно... Мне очень нужно знать все по секундам, если полу...

Договорить она не успела: Сатурио вдруг напал.

По крайней мере, в первую секунду Мира показало, что напал. Это было настолько неожиданно, настолько непохоже на него, что она и сопротивляться толком не смогла, просто замерла на месте и все.

Но именно это и позволило ей очень быстро определить, что он не желает ей зла. При таких условиях кочевник и убить бы мог, а он просто притянул Миру к себе, чтобы закрыть ей рот рукой, и их обоих увлек в небольшую нишу, служившую вполне достойным укрытием.

Даже в момент, когда Мира с ним говорила, в наполненном гулом коридоре он умудрился что-то услышать. Что – Мира не представляла, для начала нужно было дождаться, пока собственное испуганное сердце в ушах грохотать перестанет! Но когда волна инстинктивного страха отступила, она тоже уловила голоса, звучащие вдалеке.

По-прежнему не желая себя выдавать, Сатурио наклонился к самому ее уху и спросил:

– Здесь кто-то может быть из ваших?

Она покачала головой. К большей общительности не располагал рот, зажатый рукой. Но Сатурио в долгих беседах и не нуждался, он узнал все, что нужно.

– Хорошо, тогда нам повезло больше, чем я надеялся.

Он почему-то решил, что такого пояснения будет достаточно, и больше ничего не говорил. Он оставил Миру и резко рванулся вперед, зная, что в коридорах его быстро заметят, нужно взять от эффекта неожиданности как можно больше.

Мире только и оставалось, что догонять его. Она не знала, что именно собирается делать кочевник, но воображение рисовало не самые приятные варианты. Удары, кровь, открытые переломы, крики и слезы... Она понимала, что поджигатели станции это заслужили. Но это ведь все равно свои, с ними так нельзя.... А еще она не бралась сказать, что задевает ее больше: то, что они пострадают настолько сильно, или то, что это сделает именно Сатурио.

Однако когда она добралась до нужной точки, оказалось, что пытки состоялись только в ее воображении. Сатурио действительно перехватил мятежников, их даже было пятеро, они притащили оружие – подготовились к нападению! Интересно, выстрелили бы они в Миру, если бы она оказалась тут одна? Или не очень интересно...

В Сатурио они, может, тоже пытались стрелять, только это ни к чему не привело. Теперь ружья валялись на полу, перепуганные революционеры хлюпали разбитыми носами, а

Сатурио невозмутимо привязывал их веревкой друг к другу. Заметив, что Мира его догнала, он бросил на нее удивленный взгляд:

– Почему ты такая бледная?

Отвечать она не стала, ее внимание уже переключилось на задержанных. Как она и предполагала, среди них были механики, причем те, кого она знала лично! Мира, еще секунду назад волновавшаяся за них, не удержалась и пнула того, который оказался ближе к ней:

– Вы совсем охренели?! Как можно было! Я вас перед Личеком защищаю, я вам дополнительные часы отдыха организую... А они этим свободным временем воспользовались, чтобы основы управления станцией познать! Что вам спокойно не жилось?!

Они пытались бубнить что-то в ответ, однако чувствовалось: они и сами плохо понимают, как ввязались в авантюру с мятежом. Просто в какой-то момент это показалось веселым...

Этот аргумент окончательно взбесил Миру:

– «Веселым»?! Я тебе сейчас так по заднице дам, что два дня шнурками кашлять будешь!

От угрозы она немедленно перешла к исполнению, и тут уже Сатурио пришлось сдерживать ее, чтобы она количество пленных не уменьшила. Действовал он на удивление мягко: оказался сзади, перехватил Миру поперек живота, заставил отступить в сторону вместе с ним, удерживая вплотную. Сто-

ило догадаться, что с таким количеством буйной родни он умеет разнимать драки, и все равно такая осторожность поразила Миру настолько, что она даже уgomонилась.

– Убьешь их, но потом, – пообещал Сатурио. – Сначала пусть пользу принесут.

– Нас вообще убивать нельзя... – попробовал было возразить механик, но под взглядом кочевника тут же сник.

Мира все ожидала, когда же они начнут отстаивать свои идеи. Раз они ввязались во всю эту тему с мятежом, могли бы хоть поинтересоваться, за что сражаются! И теперь, вот, заявить, что за свободу они согласны хоть пытки принять, хоть умереть, а сдаваться они не намерены!

Однако механики, оказавшиеся еще и заключенными, были не столь высокого мнения о моральной стороне вопроса. То, что они попались и получили, они воспринимали пусть и не спокойно, но с пониманием. И у них, совершивших тяжкие преступления, были вполне здравые представления о том, где заканчивается личная свобода.

Так что в мятеж они влезли вовсе не из-за повышенного чувства справедливости. Для Миры это ничего не меняло, и все равно на душе становилось как-то гадко. Получается, вся эта толпа рисковала станцией исключительно ради шкурных интересов, вот и весь секрет...

Когда им велели подниматься и идти следом, они тоже не спорили. Некоторые даже косились на Миру виновато, но только на это и хватало их совести.

Смирение их длилось ровно до тех пор, пока они все не достигли следующей точки. Там устройство как раз было, установленное давно. Поначалу пленники демонстративно отворачивались, делали вид, что они тут совершенно ни при чем и даже не знают, что это за штучка. Мира, уже окончательно успокоившаяся, попросила Сатурио:

– Придержи их, мне нужен только этот.

– Для чего это нужен?! – забеспокоился выбранный механик.

Но объясняться с ним пока никто не собирался. Кочевник снял с него веревки, а Мира пристегнула наручниками к металлической трубе, на которой размещалось устройство.

– Задание тебе на ближайшее время: убрать и уничтожить, – наконец сказала она.

– Э, вы чего? – Механик зачем-то выпучил глаза. – Вы чего, так же нельзя! Тут же опасно!

– А из-за кого? – равнодушно уточнил Сатурио.

– Да оно рвануть может в любой момент!

– Вот и сделай так, чтобы не рвануло.

– Я такого не умею!

– А ты поднапрягись, – посоветовала Мира. – Мы вернемся за тобой вторым кругом. Если не справишься к этому моменту – будешь торчать тут, пока не справишься.

– Это же неправильно! У меня права есть!

– Ну да. Например, право придать своему существованию хоть какой-то смысл.

Остальные пленники затаились, но это они зря. Мира собиралась использовать каждого из них именно так: оставить возле ловушек, которые они же и создали. Это было куда лучше, чем тратить время самостоятельно!

Она допускала, что кто-то может и пострадать. Особенно если они припрятали где-нибудь рацию и попытаются позвать на помощь, не понимая, что свои с особой радостью их подорвут, лишь бы обвинить в этом адмирала. Но такой риск Мира готова была принять, она уже попробовала общаться с подчиненными по-человечески – и к чему это привело?

Пять устройств они оставили под ответственность пленников, остальными занялась Мира. Вещицы и правда были примитивные, но какая разница, если вред они наносят такой же, как чудеса инженерной мысли? Обезвредить их было несложно, но настроение у Миры от легкого успеха лучше не стало. Ее спутник, как ни странно, заметил это.

– Твой план сработал, а ты ведешь себя так, как будто нет.

– Я не о плане думаю, это так, поверхностная проблема... Я думаю о том, как мы будем жить с этими людьми на одной станции, когда все закончится.

– Так и будем. Они сделают вид, что ничего не было. Мы будем знать, что было, но давай откровенно: никто из нас и так не рвался обниматься с этими отбросами.

– Они же хотели нас убить! Не обязательно – но знали, что это может случиться!

Сатурио, до этого равнодушный, позволил себе еле замет-

но улыбнуться:

— Мира, я кочевник. Практически все, кого я защищаю каждый день, в какой-то момент хотели меня убить. Или до сих пор хотят.

— Извини, — смутилась она.

— Тебе как раз извиняться не стоит.

Мира считала, что очень даже стоит, но решила не спорить. Она обезвредила устройство и передала Сатурио:

— Готово. Давай к следующему, а по пути закинем это в утилизатор!

— К следующему пойдем, — согласился кочевник. — А насчет утилизатора... Думаю, не стоит спешить. Полагаю, будет даже любопытно, если в некоторых местах все-таки подгорит.

То, что тетка оказалась безумной, как обожравшаяся канализационной гнили крыса, Вадима Франца несколько не удивило. По ней сразу было видно, что положение она получила далеко не из-за интеллектуальных заслуг. Просто в ситуациях, когда страх и отчаяние окружают со всех сторон, шансы на корону появляются у того, кто в состоянии говорить достаточно громко и уверенно.

Поэтому он не сомневался, что Обри Джулия просто сплотила людей на той станции, объединила какой-нибудь идеей, и не факт, что адекватной. Потом такая жизнь стала привычной, она давала хоть какую-то стабильность, и когда прибыл

второй корабль, люди просто испугались принимать от него помощь, вот и весь секрет.

Ввязываться в это Вадим не собирался. Зачем на борту «Карфагена» несколько сотен клинических сумасшедших? Да еще и при полном отсутствии врачей нужного профиля! Человеколюбие должно заканчиваться там, где начинается вред самим себе!

Так что они улетели бы – если бы Акос не нашел те трупы. Вадим и тогда готов был отвернуться от чудовищного открытия, но он сразу мог сказать, что капитан упрется. Он никак не мог отказаться от комплекса всеобщего спасителя, а остальным приходилось подстраиваться. Это злило, но на прямой конфликт Вадим так и не решился, он допускал, что даже люди из его отряда в этой ситуации поддержат скорее капитана. Им нужно время, чтобы в полной мере осознать, где они находятся и как здесь выживать.

Пока Вадиму оставалось довольствоваться лишь тем, что Акос хотя бы не повел челнок обратно на станцию. Даже человеколюбец сообразил, что они не знают всех возможностей этих людей! Они вернулись на «Карфаген», а оттуда капитан немедленно связался со станцией.

– Мы их видели, – объявил он, и даже существо с мозгами Обри определило бы, что он едва сдерживает ярость. – Всех тех людей... В принципе, они и должны были остаться там, если их вышвырнули через нижний стыковочный люк!

Изначально Обри вышла на связь с улыбкой, но улыбка

эта очень быстро соскользнула с круглого лица. Раскаяния при этом не было, страха – тоже, скорее, управляющая казалась недовольной.

– Вы лезете не в свое дело!

– Скажете, что мы все не так поняли и это на самом деле кладбище такое?

– Это не кладбище. Это плата за наше благополучие!

– Что? – насторожился Акос. – Кому вы можете так платить?

Судя по задумчивому взгляду, он еще верил, что они наблюдают за разумной ситуацией. А вот Вадим даже не сомневался, что в ближайшие минуты они услышат какую-нибудь несусветную чушь – и, конечно же, оказался прав.

Отчасти Обри сказала им правду с самого начала: станция оказалась здесь три года назад и почти сразу погрузилась в хаос. Люди были в ужасе, объяснение никто дать не мог, а формальное начальство решило самоустраниться от решения любых проблем. Еще чуть-чуть, и толпа вполне могла пройти точку невозврата, многие это чувствовали, но подходящих лидеров так и не нашлось.

Зато нашлись неподходящие. В тот момент на главную сцену вышла Обри, которая объявила, что космос вокруг них – это на самом деле живое существо, хищник, притащивший их на свою территорию. Вот как они здесь оказались: он их просто забрал.

Это звучало полным бредом... Да это, в общем-то, и был

полный бред. Но глядя на то, как уверенно, без единой паузы Обри все это выдает, Вадим понимал, почему ей поверили даже не самые глупые люди. Сначала она была единственной, кто дал хоть какое-то объяснение. Потом в дело и вовсе вступил эффект толпы: они все должны были поддерживать одно и то же, чтобы оставаться сплоченным сообществом.

Вадим не представлял, верила ли Обри в свой бред изначально. Но сейчас, похоже, верила – она ведь тоже жила в этом безумии три года! Да и почему бы не поверить в историю, при которой она – посланница божества?

Обри придумала очень простое правило: они приносят одну жертву в полгода – и хищный космос их не трогает, они продолжают жить на его территории.

– Там не шесть человек было, – сухо напомнил Акос. – Среди мертвых тел. И это я еще допускаю, что некоторые трупы унесло!

– Одной жертвы достаточно для того, чтобы нам просто позволяли жить, – с прежней незамутненностью выдала Обри. – Если нужно нечто большее, придется принести еще одну. Мы так делали, когда чуть не началась эпидемия, когда у нас сломался водный фильтр... Это помогло! Эпидемия унесла совсем немного жизней, а фильтр быстро починили.

В том, что все это произошло бы и без жертв, Вадим даже не сомневался. Тут важно другое: ровно то же самое могли заметить жители станции. Так почему же они продолжили терпеть это процветающее средневековье? Вероятнее всего,

не нашлось того, кто рискнул бы выступить против толпы. В итоге все они считали, что Обри поддерживает большинство.

Поэтому они и не ответили на первоначальный призыв Акоса. Они не были уверены, что Обри позволит им уйти, зато не сомневались, кто станет следующей жертвой, если они хотя бы желание такое выразят.

Акос понимал ровно то же самое.

– Я хочу снова обратиться к вашим людям, – сказал он. – И на этот раз наедине! Они должны заходить на челноки и там давать ответ! Они сами решают, улететь или остаться.

– Этого не будет, – возразила Обри.

– Вот как? Я думал, жизнь на станции – дело добровольное?

– Да, и пока все в здравом рассудке, люди могут сделать выбор самостоятельно. Но вы на них откровенно воздействуете, я этого не допущу! Я понимаю, что вы хотите сделать.

– Что же?

– Получить побольше жертв, чтобы выкупить себе долгие годы свободной жизни!

– Я не собираюсь терпеть этот бред, – вздохнул Акос. – Мы все равно сделаем по-моему. А если не будете мешать, я позволю вам остаться на станции вместе со всеми, кто решит к вам присоединиться.

– Просто летите дальше. На «Колонию» вам хода нет.

– Как же вы намерены меня остановить? Хищный космос все-таки подарил вам оружие?

– Нам хватит того, что есть.

– Чтобы противостоять военным?

– Чтобы отнять у вас цель связываться с нами. Если я увижу, что вы приближаетесь, я начну убивать людей.

– Своих людей? – поразился Акос.

Обри и бровью не повела:

– Да, потому что для них это будет духовным спасением – по сравнению с тем, что приготовили для них вы. Поэтому давайте не будем до такого доводить.

Вот с этим Вадим был согласен. Он не сомневался, что какая-то часть населения действительно хочет перебраться на «Карфаген». Но зачем они «Карфагену»? Да и потом, сама Обри наверняка за эти годы вычислила, кто по-настоящему разделяет ее идеи, а кто просто терпит. И если состоится попытка захвата станции, она и правда убьет любого, кто захочет сбежать. По этой видно, что она сможет – и будет считать себя во всем правой.

Акос тоже все это прекрасно понимал, но отступать почему-то не спешил. Он раздраженно отключил видеосвязь с Обри и повернулся к людям, собравшимся рядом с ним. Вадим ожидал, что он отдаст приказ своему помощнику, но нет, капитан обратился к врачу:

– Боюсь, я снова вынужден просить вас о помощи. Мне необходимо, чтобы он захватил станцию.

Фраза прозвучала так нелепо, что Вадим даже растерялся, не понял, о чем вообще речь. А вот старик воспринял все

куда спокойней:

– Он-то может, но жертвы все равно будут. Это неизбежно, там фанатики.

– Я понимаю, и фанатиков мне совершенно не жаль. Я признаю даже необходимые жертвы среди гражданских... Среди тех, кто хочет уйти. Но жертв этих все равно будет меньше, чем если я отправлю туда полноценную группу захвата.

Вадим наконец пришел в себя:

– Подождите! Вы сейчас о кочевнике говорите? Вы все-ррез рассматриваете возможность послать туда одного кочевника?

О том, что на борту «Карфагена» путешествует какой-то там необычный кочевник, Вадим слышал еще до начала миссии. Потом он лично встретил этого типа – и не обнаружил ничего аномального. Кроме того, что он зовет себя Демоном и одевается соответствующе – ну так подобные психи и среди людей встречаются!

Он рассматривал Демона как странное, но не особо опасное создание. Правда, Астера придерживалась о нем иного мнения, однако для себя Вадим решил, что это какие-то внутренние разборки кочевников.

Теперь же оказалось, что капитан этого типа чуть ли не человеком-армией считает! Акос подтвердил это, когда сказал:

– Да, именно это я собираюсь сделать.

– Это же нелепо!

– Вам какая разница? Ни вы, ни ваши люди ничем не рискуете.

Это верно, волноваться должны были те, кому этот кочевник хоть сколько-то симпатичен. Но они как раз были спокойны, даже старый врач выглядел скорее нежелающим терять время, чем взволнованным. Родинас кивнул капитану и ушел, а очень скоро заработала внешняя система наблюдения, позволявшая следить за тем, что происходит снаружи.

На станции наверняка не успокоились – да и с чего бы, если перед ними все еще нависала громада боевого корабля? Правда, одинокий челнок, отделившийся от его поверхности, они могли и не заметить: судно двинулось в другую сторону, явно пошло по большой дуге, чтобы подобраться к колонии незаметно. Но даже это ожидание тревожило людей, и очень скоро Обри потребовала новый сеанс связи.

– Сколько вы намерены оставаться здесь? – поинтересовалась она. – Это нелепо!

– Тогда прикажите хищному космосу сожрать нас, – хмыкнул Акос.

– Вы нарываетесь! Думаете, это невозможно? Да мне просто понадобится больше жертв, чем обычно! Но я готова их принести!

– Вы действительно не осознаете абсурдность ситуации? Вы шантажируете меня вашими же людьми!

– Просто улетайте!

Вадим понятия не имел, отвлекает он Обри или действительно пытается вразумить. Сам полковник не тратил время на эту сумасшедшую, с ней ему все было ясно. Он следил лишь за челноком, ему было любопытно, как справится с заданием кочевник. Вадим покосился на Астеру, но она не обращала на него внимания, она не сводила напряженного взгляда с мониторов.

Челнок не стал пристыковываться стандартным способом, он закрепился на поверхности станции. Оттуда без малейшего труда выбрался Демон, снова в этом своем черном скафандре... Явно на заказ игрушка изготовлена, и вроде как нелепо – но почему-то пугает...

Может, потому что он и двигается как демон? Быстро, ловко, без видимых усилий. В космосе все кочевники действуют уверенней, чем люди, но этот выходит на какой-то особый, ему одному доступный уровень.

Он без труда нашел и открыл технический люк, явно предназначенный для роботов, а не для людей. Но Демона такие условности не интересовали, он просто скользнул вниз. Вадим не видел у него никакого оружия – по крайней мере, крупного. Не похоже, что сам кочевник находит нечто странное в том, что его одного отправили захватывать станцию.

Некоторое время эфир еще заполняла болтовня Обри и капитана, а потом резко стало не до этого. На другой стороне слышались крики, а парой минут позже – выстрелы. Вряд

ли Демон действительно громил всех подряд, просто люди боялись, они не понимали, откуда исходит угроза. Они ведь знали, что чужаки улетели и вроде как не вернулись! Но при этом на борту все равно оказался кто-то, с кем охрана никак не могла справиться...

– Есть у нас возможность картинку получить? – требовательно осведомился Акос. – Просил же вскрыть их систему!

– Вскрыли уже, – отозвался его помощник, Дэвид. – Сейчас выводим на экран.

Все они и правда скоро увидели Демона. Он не особо и таился, продвигался по коридорам вполне уверенно. Большая часть людей спешила убраться с его пути, спрятаться, забиться куда угодно, лишь бы не встречаться с непонятным черным созданием.

Но были и те, кто действительно служил Обри с маниакальной верностью. Они бросались на него со старыми ружьями, ножами, даже кусками арматуры. Они считали, что, раз их много, у них есть хоть какой-то шанс... А шанса просто не было. Демону не требовалось огнестрельное оружие, он без труда забирал его у противников и откидывал в сторону. Ему достаточно было просто нападать на этих людей, бить их – и вот они уже превращались в неподвижные тела, оставленные им на полу. Вадим не знал, кто из них выжил, а кто погиб. Он и не хотел знать.

Обри окружила себя самыми верными людьми, которые прикрывали ее до последнего, этого просто оказалось недо-

статочно. Демон даже дверь взламывать не стал, он перебрался в кабинет через потолочный люк. На то, чтобы избавиться от охраны, ему потребовалось семьдесят три секунды – Вадим специально засекал. После этого кочевник перехватил Обри за волосы и развернул к камере заплаканным лицом.

– А ведь без этого можно было так легко обойтись! – укоризненно заметил Акос. – Прошу, объявите всем своим людям, что мы ждем желающих стать беженцами.

Желающие все-таки нашлись – и число пассажиров «Карфагена» увеличилось на три сотни человек. Акос еще и решил изобразить благородство, он не взял никаких ресурсов с «Колонии», оставив все Обри и ее заметно поредевшей пастве. Вадима это раздражало, но свое мнение он держал при себе.

После того, что он сегодня увидел, к любым резким действиям нужно было отнестись с особой осторожностью...

И все же не отказаться от них до конца, потому что путешествие через эту неопознанную территорию становилось все более непредсказуемым.

Лилли Хетланд всегда побаивалась начальника полиции. Она могла это скрыть, но не подавить само чувство. При общении один на один Отто Барретт вызывал у нее чуть ли не большую настороженность, чем его дети, поэтому она старалась встречаться с ним как можно реже.

Теперь это предстояло изменить. Он по-прежнему не вызывал у нее никакой симпатии, однако он оставался одним из главных препятствий на пути к новому порядку на станции. Что-то с ним делать все-таки придется.

Это чуть портило Лилли настроение, но не слишком, ведь пока все для нее складывалось отлично. Когда ее отправляли в заточение, она не была уверена, что проснется. Сама она точно не справилась бы, и, хотя она оставила немало инструкций насчет того, как ей помочь, не было никаких гарантий, что кто-то этим инструкциям последует.

Долгое время никто и не собирался, иначе она освободилась бы намного раньше. Но проблемы на станции сыграли ей на руку – и вот она снова среди хозяев положения.

Лилли не тешила себя надеждой насчет того, сможет ли она глобально что-то исправить. Она осознавала, что пользу ей принесло общее горе, которое она не в силах отменить. Однако она готова была делать все, что ей доступно, лишь бы не отправиться снова в капсулу.

Пока получалось неплохо, на нее по-прежнему работало состояние многих пассажиров и подготовка, которую провела Сабина. Теперь в распоряжении Лилли была одна из ключевых зон станции, пусть и небольшой участок – с чего-то надо начинать!

Дальше ей нужно было укрепить свои позиции, и она пригласила на переговоры Отто Барретта. Он не стал отказываться, пришел, куда звала – прямо на ее территорию. То,

что ему не позволили взять с собой охрану, этого мерзкого деда тоже нисколько не смущало. Лилли казалось, что своим вежливым согласием он тоже ее унижает, но придрататься к такому она не могла.

Отто не говорил с ней. Да, он пришел, сел за стол, смотрел на нее. Но он, в отличие от той же Елены Согорд, не пытался ее упрекнуть или наставить на путь истинный. Он даже взглядом оскорбить умудрялся, и Лилли было плевать, возможно это или нет!

– Спасибо, что приняли мое приглашение, – улыбнулась она. – И после выполнения одной просьбы мне неловко решаться на вторую, но обстоятельства...

– Не трать мое и свое время, – прервал ее Отто. – Говори, что нужно, и расходимся. Мне оставаться здесь не приятней, чем наблюдать тебя за пределами капсулы.

Он не повысил голос, не был демонстративно оскорбитель, он говорил с ней равнодушно, но от этого становилось только хуже. Если бы он начал вопить, у Лилли появились бы основания считать, что она его задела за живое, а так... Ничего, сейчас заденет!

– Я хотела бы пригласить сюда кого-нибудь из ваших детей, пожить с нами. Одного будет достаточно.

– Да неужели?

– По решению адмирала это автономная зона, где живут такие же равноправные пассажиры станции, как и везде. Разве нам не нужна полиция?

– Вам нужен заложник, вот что вам нужно, – усмехнулся Отто. – Точнее, заложников-то на станции хватает, но ты не льстишь себе надеждой, что для меня все жизни одинаково ценны. Ты понимаешь, какую угрозу по-прежнему представляют для тебя кочевники. Единственный способ хоть как-то на это повлиять – отгородиться от нас живым щитом, который будет иметь значение.

– А ведь начиналось все как нормальное приглашение в гости – и почему нужно было это испортить? – вдохнула Лилли. – Но по большей части вы правы. Да, тот из ваших детей, который останется здесь, будет заложником. Я лично гарантирую, что ему никто не будет угрожать, до тех пор, как...

И снова Отто прервал ее с прежней бесцеремонностью:

– Нет.

– Что значит – нет? – растерялась Лилли. – Это на самом деле не вопрос выбора!

– Разве?

– Думаете, адмиралу было так легко принять все недавние решения?

– Думаю, что нет, и я ей даже сочувствую. Но Елена принимает свои решения, я – свои, и я говорю нет. Это тот момент, когда начинаются угрозы?

– Что вы, с нашей стороны никогда угроз не было.

– Вот и славно, значит, говорить больше не о чем.

Лилли продолжала улыбаться ему, хотя внутри все кипело. Какое все-таки ублюдочное создание! Теперь она уже со-

мневалась, почему кочевники выросли монстрами: из-за мутации или потому что их воспитывал такой отец.

Отто прекрасно знал обо всей этой ситуации с пожарами, о том, как она заставила адмирала подчиняться. Знал – и ему было плевать! Но ничего... Как только на станции вспыхнет новый кризис, сам приползет извиняться!

Глядя на его самодовольную рожу, Лилли просто не могла терпеть. Отто едва поднялся из-за стола, а она уже украдкой набирала сообщение своим инженерам. Пусть зажигают, чтобы этот тип сразу же увидел, к чему приводит его упрямство!

Они и зажгли... только вот не то, что надо. Полыхнул один из домов в рекреационной зоне – тот самый, в котором жила теперь Лилли. А поскольку сейчас там никого не было, да и огонь вспыхнул слишком быстро и ярко, гадать о причинах не приходилось.

Они каким-то образом нашли зажигательные устройства и переместили их сюда! Лилли понятия не имела, как это провернули. Она пока чувствовала лишь нарастающую обиду: против нее только что использовали ее же оружие, кто так делает вообще?

Отто теперь тоже не торопился к выходу, он остановился рядом с Лилли и посмотрел на разгорающийся дом.

– Весело у вас тут... Зажигательно, – оценил он. – А теперь пора проявить лучшие черты автономного государства – такие, как работающие аварийные службы. Удачи с этим.

Он отклонялся и ушел, а Лилли только сейчас поняла, что организацией хоть какой-то инфраструктуры никто не занимался. И она, и Сабина, и другие лидеры думали о том, как занять побольше места на станции, всё остальное казалось мелочами. Что они, пожар не потушат, если надо будет?

Они и потушили, но медленно, бестолково, сталкиваясь друг с другом и ломая роботов... Огонь не распространился, однако в доме, теперь напоминающем обгоревшую головешку, жить уже не получилось бы.

С тоской глядя на черный дым, расплзающийся по рекреационной зоне, и растерянных людей, Лилли признавала, что аргумента с пожаром у них больше нет, и теперь ей предстояло понять, что же делать дальше.

Сначала это было своего рода внутренней шуткой – то, что они прозвали эту территорию Хищным Космосом. Они припоминали вдохновенную «верховную жрицу» Обри, посмеивались, ловко обходя тот факт, что она выбрасывала за борт живых людей, иронизировали. Занимались этим в основном младшие члены экипажа, Астера не участвовала, но обо всем знала. Она старалась не упускать важные элементы своего окружения.

Потом название прижилось. Кто-то, может, такому и удивился, а она – точно нет. Название – это способ приручить реальность. Как только ты ее называешь, она не становится понятней, но кажется, будто становится. И вот это уже не

бескрайнее ничто, а Хищный Космос, какая-то аномальная зона, у которой наверняка есть граница и свои законы, как только удастся их познать, все будет хорошо.

Они и познавали, другого выбора все равно не оставалось. Они больше не говорили о том, что их спасут или что они выберутся тем же путем, который привел их сюда. За месяцы путешествия по этому странному месту они еще несколько раз нашли выживших, взяли на борт, и выжившие эти всегда говорили одно и то же.

Никто не знает, как они сюда попали.

Никто не знает, где они.

Никто не выберется...

Так что плохие новости были, а паники пока удавалось избежать. Тут уже капитан Акос постарался, это Астера должна была признать. На борту хватало сильных людей, были даже лидеры, но у каждого лидера свой стиль руководства. Тот же полковник Франц, например, рвался установить безупречную военную дисциплину. А капитан умудрялся успокаивать людей, он давал им надежду, что все еще может закончиться хорошо. Тут дело не в опыте или навыках, это тоже своего рода талант. Астера сомневалась, что это дается ему легко, но пока он справлялся.

Они провели в Хищном Космосе больше года, и за это время корабль заметно преобразился. Здесь сформировалась полноценная жилая зона, несколько неряшливая из-за недостатка пространства, но пока это было терпимо. Когда

людей стало больше, Акос распорядился передать им и часть грузового отсека. Он хотел отдать всю территорию, но тут уж воспротивился полковник.

– Мы выполняем миссию или нет? – с нажимом поинтересовался он.

– Разве одно мешает другому?

– Да. Я принимаю ваши гуманитарные начинания, пока они не вредят грузу. Я уже сдвинул все до предела. Еще немного – и придется подпустить этих ваших беженцев к оружию. Мы действительно это сделаем?

Акосу тогда пришлось уступить, и территория, доступная людям, осталась неизменной. Вряд ли он действительно верил, что пассажиры захватят роботов и поднимут восстание. Он просто не хотел ссориться с Францем, мир между ними всегда был хрупким.

И все равно вопрос ресурсов становился все более острым. «Карфаген» не был рассчитан на такое долгое путешествие без пополнения припасов – да еще и с населением целой колонии на борту! Фильтры едва справлялись, ситуация сделалась опасной. Поэтому теперь они задерживались не только возле кораблей, где могла быть жизнь, но и возле тех, которые явно давно отключились, но сохранились достаточно хорошо, чтобы их можно было обыскать.

Астера неизменно участвовала в таких миссиях. Не только потому, что это долг кочевницы – в долги она вообще не верила. Просто тот, кто лично ищет сокровища, оставляет

себе лучшие из них. Она понятия не имела, как скоро рухнет уютный мирок капитана и во что преобразуется, но хотела быть готовой ко всему.

Ну а потом... потом они увидели *это*. То, что мгновенно привлекало внимание даже по меркам Хищного Космоса.

Сначала Астере показалось, что это такой же корабль, как у них – сверхтяжелый транспорт, только они достигали подобного размера. Но силуэт в темноте был слишком уж нескладный, несуразный даже, и кочевница решила, что это частично разрушенная станция. Причем не технический узел вроде «Колонии», а настоящая станция, большая – и явно не опустевшая, потому что громада переливалась разноцветными огнями!

Но когда они подлетели поближе, все стало еще любопытней. Перед ними была не цельная конструкция, а нагромождение из нескольких кораблей. То, что они были связаны энергетическими кабелями, намекало, что они не столкнулись тут, они были соединены намеренно. Кто-то приложил немало усилий для того, чтобы превратить их в подобие станции.

Лететь это подобие уже не могло, хотя многие двигатели оставались в рабочем состоянии. Но это неизбежная жертва: или просторный объект для жизни, или продолжение пути, по-другому не получится. Видимо, те, кто это сделал, путешествовали по Хищному Космосу достаточно, чтобы никуда больше не рваться.

– Вы ведь не согласитесь поступить правильно? – устало поинтересовался Франц, который вместе с капитаном и Астерой наблюдал за космическим сооружением.

– А что вам кажется правильным?

– Пролететь мимо, не останавливаясь!

– Правда?

– «Карфаген» перенаселен! – отрезал полковник. – Мы больше не можем никого принять на борт!

– При нынешних условиях – да. А если эти условия изменить? «Карфаген» способен взять на буксир еще один корабль.

– Но не такую же громаду!

– Нет, не такую. Но если кто-то из людей на той конструкции захочет к нам присоединиться, корабли можно и разделить. Тогда мы получим и опытную квалифицированную команду, и новые ресурсы, возможно, возобновляемые!

Франц раздраженно закатил глаза, да и Астера признавала, что подход слишком оптимистичный. Но в этом был весь Акос – и он никогда не оказывался совсем уж неправ. После первого года уже можно признать, что они застряли в Хищном Космосе надолго. Им нужно хоть как-то развиваться!

Астера не сомневалась, что легко им не будет, и оказалась права. Сложности возникли уже на старте, когда на их призыв просто никто не ответил. Сигнал уходил в пустоту, и хотя бы на одном корабле в нагромождении должна была сохраниться техника, способная его принять. Получается, им

не отвечают намеренно... А может, в точке связи никого нет или они уже не могут ответить. Вариантов удручающе много.

Тут против них снова работало то, что на борту не было ученых – их даже среди беженцев не нашлось. Астера не сомневалась, что толковый научный специалист смог бы запустить сканирование, определил бы, есть ли на корабле-конструкторе жизнь. А у них и шанса не было что-то сделать удаленно, только и оставалось, что лететь и проверять.

Заняться этим Антадь Акос собирался лично, но такому никто уже не удивлялся. Астера не представляла, помещательство это, какой-то комплекс спасителя или все сразу. Она и не собиралась в этом копаться, пока что ей было достаточно того, что капитан был хотя бы предсказуем.

А вот что ее неприятно кольнуло, так это то, что Демону предстояло остаться на «Карфагене».

Друзьями они так и не стали. В первое время Астера еще старалась хоть что-то изменить, такой союзник ей не помещал бы! Но вскоре ей пришлось признать: он никому не союзник. Общался Демон только со старым доктором, да и то непонятно как, его голос на борту никто не слышал. А уже Танатис Родинас отдавал ему приказы – и только те, которые считал оправданными.

Такие чудачества в космосе вообще не любят, а уж на военных кораблях – тем более. Но если ты достаточно силен, для тебя сделают исключение. Демон же полностью оправдывал свое прозвище, он был не просто *достаточно* силен,

он был *очень* силен. Для себя Астера давно уже уяснила: лучшее, что она может сделать для собственной безопасности, – держаться от него подальше.

Но уж если он отправлялся на миссию, за боевую мощь можно было не волноваться. И тем больше был шок Астеры, когда именно сейчас его решили оставить на скамейке запасных.

Акос не стал объяснять свое решение, да и не обязан был. Но Астера допускала, что это его подстраховка. Франц на сей раз к миссии не присоединился, и капитан предположил, что тут повяло мятежом. Поэтому в свое отсутствие он назначил главным доктора Родинаса. Умный ход: против него тут в здравом уме никто не пойдет.

Астера тоже не отказалась бы переждать эту миссию в тепле и безопасности, но ей выбор не давали. Показывать страх она не собиралась, со стороны она наверняка смотрелась такой же невозмутимой, как обычно. Но внутри все равно поселился неприятный холод, и оставалось лишь надеяться, что сегодня им повезет.

У корабля-конструктора были орудия – отчасти установленные изначально, отчасти добавленные уже после всех переделок. С военной мощью «Карфагена» они сравниться не могли, но для уничтожения челнока их хватило бы. Поэтому, пока они приближались, Астера смотрела не на окружающий космос, а на пушки. Если они двинутся, наведутся на них... Успеют ли они сделать хоть что-то? Есть ли у них план?

Проверить это так и не довелось, причудливый гигант, застывший в пустоте, казался спящим – и необитаемым.

Они выбрали ангар поближе к месту соединения кораблей, попали сразу внутрь. Когда челнок замедлился, Астера получила возможность рассмотреть конструктор вблизи. Он был даже более корявым, чем ей показалось вначале, потому что объединял очень разные объекты.

– Тут не только корабли, – заметила кочевница. – Вот это что-то другое... Не понимаю...

– Это мобильная больница, – подсказал Дэвид, помощник капитана. – Нечто среднее между космическим кораблем и малой станцией. Такие посылали к колониям раз в год-два для полного медицинского обследования, если это требовалось. Они же использовались при эпидемиях, когда стандартными медицинскими станциями не хотели рисковать.

– Все эти корабли достаточно новые, – задумчиво произнес Акос. – Не больше пятнадцати лет, я бы сказал. Это больница, это явно грузовой транспорт... А вот это что, не узнаю?

– Колониальный транспорт, – проявил уже ставшую фирменной осведомленность Дэвид. – На таких доставляли на колонии дополнительный персонал.

– Получается, в потенциале народу там много? – спросила Астера.

– Очень. Даже если все транспорты, которые мы видим перед собой, были заполнены наполовину, мы говорим о ты-

сячах человек.

Астера не удержалась, бросила мрачный взгляд на капитана. Тысячи – это же слишком много! Больше, чем способен вместить «Карфаген». Но капитан будто не понимал этого, он упрямо настаивал на том, что они должны продолжить миссию.

Ангар смотрелся неплохо – не идеальная чистота, конечно, и годы запустения уже оставили свой отпечаток. Но в целом, выглядит как зал, который используют, а не в котором приносят жертвы вездесущему Хищному Космосу. На фоне предыдущего опыта это отличное начало.

Акос не спешил покидать зал, он велел своему помощнику:

– Загрузи в их систему наше сообщение, пусть везде пролетит. Нам нужно свести возможные конфликты к минимуму.

Кочевница не стала спрашивать, что за сообщение, она и так знала. Акос подготовил эту запись заранее – пояснение, кто они такие, и приглашение на «Карфаген». Идея не самая дурацкая, только вот Астера сомневалась, что это действительно что-то изменит. Если бы в ее дом вторглись чужаки и объявили себя хорошими парнями, разве она поторопилась бы верить?

За ангаром начинался плохо освещенный коридор, ведущий в жилую зону. Здесь, кажется, была битва... Да, точно, была: на стенах вмятины, осветительные приборы разбиты,

кабели оборваны. Но битва эта закончилась, и кто-то даже успел провести ремонт. Хотя темных пятен на металле все равно хватает, кровь не старались оттереть, а это всегда дурной знак.

Они прошли примерно половину коридора, когда впереди мелькнуло движение. Странное движение... Очень быстрое, даже слишком быстрое для человека. Робот, что ли? Но силуэт какой-то непонятный, да и движения как будто дерганные, машины обычно отличаются большей грацией.

Акос тоже его заметил, и он время на размышления как раз не тратил:

– Подождите! Вы получили наше сообщение? Мы пришли просто поговорить!

Сомнительный аргумент, и незнакомец тоже так считал, потому что скрылся за ближайшей дверью. Но Акос уже был достаточно воодушевлен, чтобы ускориться, последовать за ним, ему явно не хотелось так быстро терять контакт с местными. И вот почему именно сейчас здесь нет Демона? Насколько все стало бы проще!

Астера по-прежнему держалась рядом с капитаном, но относились к происходящему с куда меньшей радостью. Она не верила, что с ними будут говорить, она ждала нападения... А получила взрыв.

Не только она получила, всем досталось. Полыхнуло где-то под металлическими плитами, по которым они шли, и пол начал проваливаться. Астера только и успела, что крикнуть –

что еще она могла? Ухватиться здесь было не за что, способа удержаться не осталось.

Ей нужно было уберечь себя при падении. Она думала только об этом, она даже не пыталась определить, куда делась ее спутники. Она следила лишь за металлическими плитами, рухнувшими вместе с ней. Астера использовала их, чтобы замедлить собственное падение, а заодно и старалась не оказаться под завалами.

Это спасло ее от серьезных травм, и когда она добралась до пола парой уровней ниже, она даже умудрилась остаться на ногах. Правда, закашлялась из-за поднявшейся пыли – но ведь это такая мелочь по сравнению с тем, что могло случиться!

Кочевница мысленно начертила схему корабля, прикинула, куда ее занесло. Похоже, трюм... Она упала сюда из пассажирской зоны, а ее спутники то ли на уровень выше, то ли в соседнем зале... Если вообще живы, но должны быть, взрыв был совсем слабый, а они не дети, которых можно просто уронить тут насмерть!

Однако они явно контролировали свое падение хуже и пострадали больше, поэтому их не было рядом. Кочевница очутилась в темном зале, полном металлических обломков, одна.

– Есть здесь кто? – позвала Астера. – Меня кто-нибудь слышит?

Отвечать ей никто не собирався, но ее точно слышали.

Доказательством тому стал свет, вспыхнувший во всем зале, такой яркий, что он больно ударил по глазам, и Астере пришлось зажмуриться, чтобы не ослепнуть.

Когда зрение кочевницы адаптировалось к новым условиям, ей совсем не понравилось то, что она увидела. Она была не одна в зале – народу тут как раз хватало, не меньше дюжины человек! Или не человек?.. Так сходу и не определишь.

Они были слишком похожи на людей, чтобы принять их за роботов или монстров, но при этом недостаточно похожи, чтобы утверждать, будто это обычные люди. Астере потребовалась пара минут, чтобы сообразить: все-таки люди, но с грубыми, явно самодельными протезами, заменяющими кому руки, кому ноги, а кому и лица. Жуткие полуроботы-полумонстры, кожа расписана яркими красками, вместо одежды – непонятные лохмотья... И никто не говорит, но некоторые рычат.

Астера достала из-за пояса лазерный пистолет, перевела на полную мощность. Они ничего не сказали ей, не угрожали, пока не бросались на нее. И даже их уродство она восприняла бы как нечто вынужденное – если бы не их глаза. Взгляды как раз были совершенно безумными, пылающими, направленными только на нее...

В этот момент она уже понимала: живыми зал покинут далеко не все.

Натан прекрасно знал, что происходит на станции, он про-

сто держался от этого подальше. Ему повезло в том, что ферма всегда представляла собой маленький замкнутый мирок, в котором легко притвориться, будто за его пределами вообще ничего не происходит. А если совсем уж напрямь фантазию, можно даже поверить, что ты и вовсе на Земле, всё остальные было лишь страшным сном.

Общаться с мятежниками у него не было никакого желания. Он и раньше-то не романтизировал такие истории, Натан вырос в семье, где промышляли мошенничеством, и прекрасно знал, как курируются массовые беспорядки. Ну а на «Виа Феррате» он ощущал определенный долг перед теми, кто дал ему второй шанс, и уж точно не собирался объединяться с их врагами.

Только вот его мнение значило меньше, чем ему хотелось бы. Натан это не столько понял, сколько прочувствовал, когда на него набросились ранним утром, до того, как он успел встать с постели – и это при том, что фермер просыпался чуть ли не раньше всех на станции. Он и крикнуть толком не успел, когда ему нацепили на голову мешок и куда-то поволокли.

Он готовился к худшему, однако бить его не пытались. Обращались без лишней вежливости, но почтительно, он явно нужен был им живым. Поэтому Натан затаился, не пытался бежать, чтобы не давать своим похитителям повод для насилия.

Судя по тому, что путешествие длилось долго, его пере-

тащили в другую часть станции. Но это и хорошо: ему хотелось, чтобы любое сражение проходило подальше от хрупкой экосистемы ферм... Если до сражения вообще дойдет.

Пока что бить его не собирались. Когда его освободили от мешка, Натан обнаружил, что находится в комнате без окон, вполне уютной, оформленной в старых традициях Земли. Рекреационная зона, значит... Ну, стоило догадаться, что только мятежники и могли его похитить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.